

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

**Заявления и письма
репрессированных в 30-е годы**

ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ЛЮДИ И СУДЬБЫ:

ЗАЯВЛЕНИЯ И ПИСЬМА
РЕПРЕССИРОВАННЫХ
В 30-е ГОДЫ

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Махачкала

Издательско-полиграфический центр ДГУ

1996

Люди и судьбы: заявления и письма репрессированных в 30-е годы.
Махачкала, ИПЦ ДГУ, 1996 — 80 с.

ISBN 5-7788-0158-0

Редакционная коллегия: Бутаев М.Д., Гаджиев В.Г., Какагасанов Г.И., Османов А.И. (ответственный редактор)

Составители: Бутаев М.Д., Гаджиев В.Г., Какагасанов Г.И., Джамбулатова Р.И.

В сборник включены заявления и письма известных партийных и государственных деятелей Дагестана и их родственников, арестованных в 30-е годы и написанные ими, в основном, из тюремных камер и лагерей НКВД. Они раскрывают картину необоснованных репрессий, применения физических и моральных сил воздействия на арестованных, условия их содержания и тяготы лишения.

Для специалистов, научных и творческих работников, аспирантов и студентов, специализирующихся по проблемам политических репрессий 30-х годов в Дагестане.

© Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

0902020000-054

Ж _____ - 059-96

M195(03)-96

instituteofhistory.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последнее время мы стали более пристально всматриваться в пласты богатейшей нашей истории. В годы и судьбы. В героику прошлого и трагические страницы биографии нашей Родины.

От нас скрывалась правда о легендарных героях, из истории пытались выкрасть судьбы удивительных личностей, посвятивших свои жизни народу. Время перемен, демократизации общества, гласность позволили приоткрыть завесу таинственности, во многом узнать "кто есть кто", воздать должное подлинным патриотам Родины.

По законам нормальной человеческой жизни во все времена трагедии людей, их сострадания больше вызывали тревогу, чем рядовые события. В этом плане мы еще в большом долгу перед жертвами беззаконий и произвола 30-х годов, судьбы которых прочно скрыты за завесой секретности. Ныне наметились сдвиги в реабилитации жертв репрессий, и это встречено общественностью положительно. Это только начало. Это лишь только мизерная доля правды той большой трагедии. Если человек был публично оскорблен, то и честь должна быть восстановлена публично — это наш святой и нравственный долг.

Сколько их было, жертв репрессий и беззаконий? Любая цифра, которую сейчас называют даже по нашей относительно небольшой республике, увы, не может быть точной. Цифрой занимаются исследователи. Но за каждой "единицей" ее составляющей — оборванная жизнь. А со всеми вместе — сотни прямых потомков: дети, внуки, уже и правнуки. Где им оплакивать погибших? Многие не знают где их могилы, где оборвалась их жизнь. Куда принести цветы? Куда прийти — помолчать? Где рассказать молодым о трагических этапах нашей жизни? Разве каждый из них, кто стал жертвой беззакония не заслуживает отдельной книги, а не строки в печати?

Сегодня мы знаем массовым репрессиям подвергались многие сотни коммунистов и беспартийных, хозяйственных и военных кадров, деятелей науки, культуры и искусства республики. Результаты репрессий и погромов для республиканской партийной организации были поистине опустошительными. При этом значительную долю погибших составляли высокообразованные и талантливые люди. В те роковые годы в процессе чистки, проверки и обмена партийных документов (1934-1936 гг.) и репрессий (1937-1939 гг.) из партии были исключены, переведены в кандидаты и сочувствующие более 4,5 тысяч человек или более 40% всего состава областной партийной организации, имевших за своими плечами большой опыт партийного, советского и хозяйственного строительства. Трудно сказать сколько из них арестовано и сколько осуждено. Еще труднее назвать количество арестованных и осужденных беспартийных лиц. Об этом в какой-то мере можно судить по данным реабилитации, опубликованным МВД и Прокуратурой Республики Дагестан в 1992-1994 гг. Согласно им общее количество репрессированных по республике за 30-50-е годы составило 14000 человек, из них осужденных по политическим мотивам 7500 человек¹. "Среди них: Д.Коркмасов, Н.Самурский, А.Тахо-Годи, М.Далгат,

¹ "Дагестанская правда", 1992, 6 июня.

К. Мамедбеков, А. Атаев, Д. Атаев, М. Атаев, А. Далгат, Г. Далгат, Т. Булач, П. Ковалев, Н. Колесов, М. Кюринский, Р. Нуров, Д. Саидов, М. Шарапилов, Б. Астемиров, Х.-М. Ханмагомедов, Ю. Шовкринский, И. Алиев, Х. Арсланбеков, М. Карагишиев, Амужат и Асад Сеид-Гусейновы, Х. Ибрагимов, Т. Темирбеков, Г. Гаджиев, З. Феодаев, М. Тумалаев, С. Габиев, Г. Исаев, Ю. Кабукаев и многие другие.

Одни из них обвинялись в принадлежности к антисоветской, буржуазно-националистической, террористической организации, якобы, существовавшей в Дагестане, другие — в троцкизме, третьи — как германские, турецкие и японские шпионы. Предъявлялись и другие обвинения. Все эти обвинения, как выразился Ю. Шовкринский в своем заявлении, "фабриковались под пыткой и палкой" в тюремных камерах НКВД.

Процесс реабилитации начался еще с конца 1938 г., когда в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г. "О преступлениях, прокурорском надзоре и ведении следствия" судебные органы провели пересмотр части уголовных дел. Из числа осужденных в 1934-1938 гг. колхозников и колхозно-сельского актива за различные правонарушения по определению судов подлежали освобождению из-под стражи 14793 человека. Из них уже в ноябре 1938 г. 12132 человека, или 82,0% были освобождены.

В эти же годы пересматривались персональные дела коммунистов, исключенных из партии и оправданных судом, освобожденных из-под следствия, тюрем. Однако численность их была небольшой. Для коммунистов, которым был навешан ярлык "враг народа", "троцкист", "буржуазный националист", вообще не рассматривалось.

В годы репрессий, перед тем, как арестовать невинного человека, старались смешать его с грязью, очернить, опорочить, ошельмовать его в прессе и на партийно-советских форумах, уронить его достоинство в глазах людей путем распространения слухов, сплетен и подозрений. Об этом красноречиво сказала в своем заявлении Сталину жена заведующего сельхозотделом обкома партии Королина Колесова: "Исключенного и снятого с работы зав. сельхозотделом Н.П. Колесова в течение недели ежедневно прорабатывают в печати, и надо иметь стальные нервы, чтобы вынести этот поток грязных слов..."

Такова правда, от нее никуда не денешься. Многие обвинения уже сняты, сотни и сотни безвинно пострадавших людей полностью реабилитированы. Процесс восстановления справедливости продолжается и сейчас, набирая новую силу и решительность. По последним публикациям периодической печати только в 1994 г. во исполнение Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года "О реабилитации жертв политических репрессий" республиканской прокуратурой совместно с Федеральной службой безопасности рассмотрено около 800 архивных уголовных дел в отношении 1900 человек, большинство из которых реабилитированы.

Мы начинаем чтить память выдающихся сынов, погубленных в тюремных подвалах, за колючей проволокой. Бывшие когда-то знаменитые имена, производившиеся столько лет шепотом, снова звучат громко. Это и понятно. Замолчать большие вопросы нашей истории — значит пренебречь правдой, неуважительно отнестись к памяти тех, кто оказался невинной жертвой беззакония и

произвола. Правда одна. Нужна полная ясность, четкость и последовательность. Это надо живым сегодня. Это нравственный ориентир и назидание на будущее.

Оглядываясь нам необходимо — у прошлого ответственность перед будущим. Так лучше поймем мы самих себя. Смотри на прошлое, настоящее и будущее страны глазами боли и любви к родному краю. Она наша история и наша собственная судьба!

Недопустимо, чтобы наша молодежь не знала видных общественных и государственных деятелей, переживших трагедию 30-х годов, руководивших строительством новой жизни в Дагестане. Среди них было не мало неординарных фигур, которые делают честь любой нации. Многие из тех, чьи судьбы тогда ломались, уже нет в живых. Никто не забыт и ничто не забыто — это священный лозунг относится ко всем. И жертвам фашизма и к жертвам той беспощадной машины уничтожения, которая не дала многим даже возможности погибнуть, сражаясь с фашизмом.

Дорогой читатель! Вы познакомитесь с письмами тех, кто несмотря на совершенную по отношению к ним чудовищную несправедливость, верил в идеалы добра, торжество правды, потому что они родом из революции. За их плечами гражданская война, высокие и ответственные посты у руля республики. Сколько же революционной страсти, драгоценного опыта, богатейших знаний и организаторского таланта привнесли эти люди в возрождение Страны гор. Читая их письма, некоторые из которых написаны на несвойственном для письма материале, на кусках полотна, разорванных с натальной рубашки, невозможно не содрогаться от произвола 30-х годов в Дагестане. Это была наша, наша боль.

Адреса писем разные, география обширная. Они поступали из тюрем и лагерей НКВД, расположенных в экстремальных для южан климатических условиях северных районов страны (Котлас, Воркута, Ухта, Колыма, Таймыр). Они не только отбывали наказание, но и строили железную дорогу, Беломоро-Балтийский канал, уносивших жизни многих из них. Как видно, по содержанию публикуемых писем их авторы неоднократно обращались к Сталину, Ежову, Берия, Прокуратуре Союза ССР и ДАССР с заявлениями и жалобами, указывая на незаконный арест и требуя освобождения. Больше всего таких обращений было в адрес НКВД и Прокуратуры. Видимо, узники лагерей и тюрем, большинство из которых были коммунисты, потеряли надежду встретить понимание и решение своего вопроса в партийных органах, подпавших под контроль органов НКВД и полагая, что от них прежде всего зависит их судьба.

Репрессирован... Реабилитирован. Какая человеческая трагедия стоит между этими словами. Правда ждала своего воскрешения долгие годы, и вот этот час наступает. История расставляет все на свои места. Именно история, являясь подлинным судьей, воздаст должное и жертвам, и палачам.

Вчитывайтесь в письма этих людей, чьи имена долгое время были в забвении. Их судьбы, вся их жизнь позволяет сегодняшнему поколению гордиться нашим прошлым: они делали революцию, строили республику, защищали ее духовное наследие. Себя же защитить не смогли.

Огромное количество архивных документов, которые стали доступны исследователям только в последние годы (многие письма хранятся в семейных архивах родственников, детей, внуков репрессированных лиц), позволяют значительно укрепить источниковедческую базу исторических работ, в осве-

щении "белых пятен" нашей истории. Даже те документы архивов, которые были открыты для историков использовались очень ограниченно, из-за того, что в них могут оказаться какие-либо "негативы" и не могли дойти до читателя в освещении тех, или иных исторических событий, поскольку правда о судебных процессах были инсценированы властью предрешающими.

Невозможно убить память народа. Невозможно скрыть истинную правду. Чем дальше уходят годы, тем сильнее болит рана в сердце народном, все сильнее беспокоит нас горькая память о безвинно загубленных, заточенных на долгие годы в тюрьмы и лагеря НКВД. Жертвы беззаконий и произвола словно обращают к нам свои взоры и вопрошают: как же поступили с ними мы, их потомки? Что и как напишем о них, о мертвых? Нужны ли они теперь, или лучше забыть о них, об их страданиях? Победит ли их правда, которая столько лет лежит вместе с ними под невыносимо тяжелым спудом клеветы и лжи? Сможем ли мы двигаться дальше без них, без их кристально чистой правды, без их дел, без их идеалов?

Они сегодня нужны нам не только для успокоения нашей совести, но и торжества Правды и Справедливости. Они нужны нам для восстановления и исправления нашей исковерканной истории и нашей исторической памяти, из которой были вырваны эти представители без того малочисленной интеллигенции Дагестана.

* * *

Публикуемые письма хранятся в ЦГА РД или в личных архивах семей родственников и детей репрессированных лиц, о чем делается соответствующая ссылка. Некоторые письма полностью или частично известны читателю из публикаций периодической печати, но многие из них вообще не опубликовались.

Археографическая обработка писем проведена в соответствии с "Правилами издания исторических документов". М., 1989. Текст документов дается по новой орфографии. Встречающиеся в тексте писем грамматические и стилистические ошибки, не меняющие смыслового значения, исправлены и раскрыты без скобок. Допуска пропущенных слов и раскрытие сокращенных слов дается в прямых скобках. Заголовки всех писем даны составителями. Письма расположены в хронологическом порядке, в зависимости от даты их написания.

Примечания писем помещены в подстрочнике, а также оговорены специально.

При составлении примечаний использована периодическая печать, научные исследования и монографии, сборники документов и статей, справочники и энциклопедии и, наконец, архивные документы, наиболее полно освещающие комментируемые вопросы.

В составлении сборника писем участвовали научные сотрудники Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН: д.и.н., проф. В.Г.Гаджиев, д.и.н., проф. М.Д.Бутаев, канд.ист.наук Г.И.Какагасанов и научный сотрудник Р.И.Джамбулатова.

Редакционный состав сборника: проф. М.Д.Бутаев, проф. В.Г.Гаджиев, к.и.н. Г.И.Какагасанов, проф. А.И.Османов (ответственный редактор).

Предисловие к сборнику подготовлено проф. М.Д.Бутаевым, примечания — Г.И.Какагасановым.

ДОКУМЕНТЫ

(заявления и письма)

Письмо председателя Главсуда члена пленума Дагобкома ВКП(б) Ибрагима Алиева¹ секретарю обкома ВКП(б) М.Сорокину²

31 августа 1936 г.

Секретарю ДК ВКП(б) тов.Сорокину

Копия: лично тов. Самурскому.

Ваше предложение осветить письменно некоторые известные мне вопросы, связанные с пребыванием Лелевича³ в Дагестане и Дагестанском научно-исследовательском институте нацкультур, директором коего я был в 1933-1934 гг. сообщаю следующее:

В 1933 году, месяце не помню, меня вызвал в Дагобком ВКП(б) бывший в то время Зав.Культпромом ДК ВКП(б), ныне зав. промтранспортным отделом ДК ВКП(б) тов. Сеид-Гусейнов⁴. В кабинете у т.Сеид-Гусейнова я застал, беседовавшего с ним одного лица, с которым познакомил меня т.Сеид-Гусейнов, назвав его фамилией — Лелевич. До этого времени Лелевича я нигде, ни при каких обстоятельствах не видел и его литературных трудов ни в каких книжных, журнальных и газетных изданиях я не читал, поэтому-то фамилия — Лелевич в то время мне ничего не говорила.

Тов. Сеид-Гусейнов начал разговор со мною с того, что в возглавляемом мною Институте наиболее отстающим сектором является литературный, что возглавляющее этот сектор лицо — Чаринов⁵, ныне умерший, по основной своей специальности агроном, беспартийный, слабый по квалификации литератор, вовсе не может обеспечить выполнение работы по литературному сектору, что он, Сеид-Гусейнов, предлагает усилить литературный сектор, поставить во главе сектора Лелевича, литературоведа, члена ВКП(б) прибывшего из ЦК ВКБ(б) в распоряжение Дагобкома партии. Что же касается Чаринова, то использовать его в качестве научного работника в том же секторе. Вместе с этим т.Сеид-Гусейнов поставил перед мною задачу форсировать издание, накопленного Институтом материала, так как в них имеется большая нужда у учащейся молодежи, к тому же этой прямой обязанностью Институт до сего времени не занимался, и что отныне надо это дело двигать быстрее. Примерно на этом наш разговор кончился и на следующий день Лелевич с путевкой Дагобкома явился в Институт.

Считаю долгом оговориться, что ни при каком разговоре, ни при последующих частых встречах со мною тов. Сеид-Гусейнов, ни одним словом ни обмолвился о том, каково прошлое Лелевича и не познакомил меня с его личным делом. И, поскольку, Лелевич был отрекомендован членом партии, прибывшим из ЦК ВКП(б) по путевке последнего, я считал, что у него все в поряд-

* 29 августа 1936 г. состоялась беседа секретаря обкома партии М.Сорокина с И.Алиевым, продолжавшаяся около одного часа и через день, т.е. 31 августа по требованию Сорокина было написано настоящее письмо. (См. ЦГА РД. Ф.1-п. Оп.1. Д.3149. Л.11-23).

ке и не занялся вопросами проверки его прошлого. Я даже был удовлетворен тем, что наконец-таки Культпром ДК ВКП(б) начал заниматься делами Института, кстати до этого ими мало кто из аппарата ДК интересовался. Я заполнил путевку ДК на Лелевича и он приступил к работе в Институте. Одновременно с этим он связался с местной писательской группой, начал читать лекции в педагогическом институте в качестве доцента по кафедре литературы, занимался с молодыми дагестанскими литераторами и литературоведческим семинаре при институте, читал лекции областному партактиву, выступал на собраниях больших и малых на разнообразные темы с докладами по путевкам Горкома и Дагкома партии, с той же целью выезжал по другим городам ДАССР, вел большую работу по орггруппе Союза Советских писателей Дагестана, был избран членом названного Союза, замещал председателя и фактически руководил Союзом писателей Дагестана, номинально же председателем Дагсоюза Совписателей считался бывший Наркомпрос тов. Астемиров Б.⁶ Так Лелевич, развивая большую энергию в общественно-политическом поприще в Дагестане, обладал громадной эрудицией в области литературоведения и большими ораторскими способностями обратил на себя внимание многих руководящих работников Дагестана. Ему создали все условия для дальнейшего, более успешного продолжения своих работ. По настоянию т. Сеид-Гусейнова Лелевич получил в доме Дагснаббыта хорошую квартиру; он, Лелевич, был прикреплен к правительственному магазину, в то время как остальные работники Института, даже некоторое время и я — этим магазином пользоваться не имели право. Лелевич ежедневно бывал в Культпроме ДК, активно участвовал на его совещаниях; бывал очень часто в Культпроме Горкома; газета "Дагправда" широко раскрыла свои страницы статьям Лелевича, он был избран Дагсъездом писателей делегатом на Всесоюзный Съезд писателей, выступал на Всесоюзном съезде по дагестанским вопросам и поместил большую статью в "Известиях". Все это, все больше и больше создавало ему популярность и впечатление о его безупречной политической честности; ему рукоплескали, его приветствовали. Так продолжалось, как при руководстве Культпромом ДК ВКП(б) т. Сеид-Гусейновым, так и при руководстве тов. Шовкринским⁷.

Партгруппа наша при Институте немногочисленная и сборная по своему составу, обворожена наличием хорошего отношения к Лелевичу областного и городского партийного руководства, кипучей деятельностью самого Лелевича, его успехами на литературном фронте и в Союзе писателей, в свою очередь относилась к Лелевичу с известным доверием. Лично я, как директор Института, даже написал предисловие к очерку Лелевича "На путях к изучению литературы Дагестана". Я должен сказать, что очерк этот еще до его сброшювания частями был отпечатан в "Дагправде" и не подвергся критической оценке ни с чьей стороны.

Молодые литературоведческие и писательские силы Дагестана, видя реальную помощь со стороны Института в их работе, энергично взялись было за составление очерков по отдельным языковым группам: Камиль Султанов и Салаватов Алим-Паша "Очерк кумыкской литературы", Гаджибеков⁸ — "Очерк лезгинской литературы" и т.д. Я физически не мог в дальнейшем продвинуть быстрого выполнение этих и ряда других работ, так как был мобилизован Даг-

обкомом ВКП(б) в качестве председателя Кизлярско-Шелковской межрайонной комиссии по чистке и 4-го июня 1934 года я выехал в названные районы, где пробыл до ноября месяца 1934 года. Приезжая в Махачкалу лишь по вызову Облкомиссии по чистке для доклада о ходе чистки, затем в связи с переброемкой меня для работы в Главсуде, я вовсе ушел из Института, поэтому-то и не знаю о судьбе остальных работ, подготовленных к печати.

Была ли какая-либо иная, кроме чисто ведомственной, деловой связи моей с Лелевичем? Я заявляю категорически, что нет. Научно-исследовательский институт нацкультуры после ухода из него тов. Тахо-Годи⁹ в 1928 году, долгое время совмещавшего должность Наркомпроса с должностью директора Института, с каждым днем все больше хирел и ряд директоров, побывавших в нем после т. Тахо-Годи, никогда в жизни не занимавшиеся исследовательской работой и не выпустившие ни одной печатной строчки из стен этого Института, привели работу этого Института, и в особенности его литературную и историческую часть, в состояние полного застоя. Моей задачей было оживить работу этого Института, все мои стремления были направлены только к этому. Оказалось, что при тех же работниках и добросовестном личном отношении к делу, можно добиться, что Институт стал работать, о нем заговорили в печати, им интересовались центральные научные учреждения, Академия наук СССР, Президиум которой, заслушав мой доклад в Ленинграде, дал положительную оценку, проведенной работе и намеченной тематике исследовательских работ в области национальных культур на будущее время. Впервые у нас побывали ряд академиков во главе с покойным Н.Я. Марр и ряд профессоров и ученых, предпринявших экспедиции в Дагестан по нашей тематике совместно с нашими работниками. В эти вопросы включился было я целиком и полностью, ими жил, их проводил, в то же время сотрудничал в ЦК нового алфавита в печати (журналы — "Революция и письменность", "Революция и национальность"), в "Дагправде" и т.д., вел большую общественно-политическую работу как по заданиям Дагобкома ВКП(б), так и Горкома ВКП(б), игнорируя всякие разговоры о состоянии здоровья, при наличии у меня туберкулеза легких и туберкулеза костей.

Ничем иным, как стремлением сбросить с себя некоторую долю вины по связям с Лелевичем, я не могу объяснить заявления неизвестных мне лиц о том, что будто и я, Алиев, был очень близок к Лелевичу и что, якобы, я часто посещал его квартиру и т.д.

Я Вам, т. Сорокин, уже говорил, что всего один раз был на квартире Лелевича и при следующих обстоятельствах: в Дагестан прибыла из Москвы писательская группа, она провела здесь определенную работу и готовилась к съезду. Правление Союза писателей Дагестана устроила приезжим писателям проводы с ужином на квартире у зам. председателя Союза писателей Лелевича. На эти проводы были приглашены много товарищей, в том числе и я, бывший тогда мой заместитель Нуруллаев, совмещавший работу у нас в Институте с работой в учебной части Даготдела ГПУ, с ведома своего начальства. С ведома же своего начальства т. Нуруллаев вместе со мною посетил проводы писателей на квартире Лелевича. Мы пришли туда примерно часов в 8 или 9 вечера. Было некоторое количество людей, являлись еще, некоторые пригла-

шены были с женами: Ольшевский¹⁰, Капиев, Аткай, Аскар Сарыджа и т.д. Из оставшихся у меня в памяти, кроме названных лиц были еще Нуров¹¹, в то время работавший в Даггизе, Аскеров — сектор культуры Дагкома ВКП(б), Динмагомедов и много других. Мы с т. Нуруллаевым просидели за столом примерно до 12 часов. За это время произносились тосты, отдельными поэтами и писателями читались их новые произведения, выражались пожелания, чтобы свет поскорее увидел бы труды приезжавшей писательской бригады. Примерно к 12 часам с тем же Нуруллаевым, как проживавшие в одном доме, встали и ушли. Когда остальные разошлись — мне неизвестно. Вот как получилось, что я посетил квартиру Лелевича, и этот как будто бы вполне допустимый и закономерный поступок будет недостаточен для обвинения меня в тесной, личной, не деловой и ведомственной связи с Лелевичем. Всегда скромный и строгий по отношению к себе в бытовых вопросах, я до сих пор еще не научился даже употреблять спиртные напитки, на почве коих я мог бы быть близким ко всякого рода компаниям и отдельным лицам, устраивающих всякие компанейские выпивки. С кем же на мой взгляд, Лелевич со своей семьей был близок? Заявляю категорически — с Ольшевским и с Капиевым. Это было известно всему коллективу нашего Института и отдельным руководящим работникам.

Когда жена Лелевича вернулась из Москвы, после ареста Лелевича и узнала, что я добивался занять квартиру Лелевича, для вселения в нее председателя спецколлегии Главсуда т. Шиперова¹² с семьей, то она прибежала к Наркому Юстиции т. Складскому и указывая на меня, в моем присутствии заявила: "По распоряжению этого гражданина Алиева перевернули всю мою квартиру и хотели ее занять, я требую прекратить эти безобразия и привлечь Алиева к ответу". Полагаю, что сейчас, когда вскрываются истинные друзья Лелевича и его семьи, кое-кто из них быть может остался еще не вскрытым, в целях застраховать себя от неприятностей, могут указать и на меня, как на близкого к Лелевичу человека, тем более, что я работаю в таком органе, в котором делаются неприятности многим лицам. Я прошу по поводу поведения жены Лелевича, ее издевательств над Шиперовым и его семьей, посещение ее квартиры рядом лиц известных и неизвестных, устройств всяких оргий, спросить у т. Шиперова, который живя в гостинице с семьей ежедневно по утрам либо ходил сам, либо посылал свою жену или коменданта проверить не выбралась ли из квартиры, предназначенной для т. Шиперова жена Лелевича. В течение свыше месяца во всех случаях оказывалось, что квартира либо заперта и квартирохозяйка ночевала, как устанавливалось впоследствии либо у Капиевых, либо у Ольшевских, либо же после бурно проведенной ночи в квартире нельзя было войти от запаха винных паров и грязи. Так измывалась эта особа над семьей лучшего товарища Шиперова, имевшего на руках распоряжение Предсовнаркома т. Мамедбекова¹³ на занятие квартиры Лелевича. Между тем, по поводу моего требования коменданту Спецколлегии очистить квартиру Лелевича для семьи т. Шиперова, был вопрос поставлен перед зам. пред. Совнаркома т. Гитиновым¹⁴, который выслушав меня, нашел мои действия правильными, а после этого тов. Шовкринский требовал от меня не трогать квартиру Лелевича, говоря, что в квартире Лелевича осталась ценная литература, которая может быть растащена. (Это пред. спецколлегии т. Шиперовым.)

Тов. Шовкринский даже пригрозил мне по телефону вопрос этот поставить на бюро ДК ВКП(б) и он-таки и поставил, я давал объяснение на бюро секретарю ДК ВКП(б) т. Петросяну. Я прошу по этим последним вопросам спросить названных мною лиц, в том числе т. Шиперова, т. Складского.

Вот т. Сорокин — мое отношение к семье Лелевича и тех, кто даже после ареста Лелевича продолжал иметь с его семьей связь и заботиться о последствиих его литературного наследия. Я спрашиваю, мог ли я быть близким человеком Лелевича и его семьи и в то же время так "вероломно" поступать с названной семьей? Нет, не для таких действий воспитала меня моя партия, в рядах коей я пребываю в течение 19 лет неотступно от ее генеральной линии. В данном случае на лицо явный оговор или чье-то желание смягчить свою вину.

Знал ли я о том, что Лелевич троцкист? Когда же я узнал, что Лелевич принадлежит к этой породе людей? Когда я вернулся из района для доклада в Областной комиссии по чистке, мне член нашей партгруппы директор музея т. Атаев¹⁵ рассказал, что на чистке Лелевич очень подробно рассказывал о том, как в прошлом в рядах троцкистов-зиновьевцев вел борьбу против партии, как он за это был исключен из партии, как он впоследствии раскаивался в своих ошибках, что партия ему простила их и вернула его в свои ряды и как он теперь клянется впредь неуклонно проводить на деле генеральную линию партии; что комиссия по чистке поверила ему, и Лелевич под аплодисменты собрания был комиссией сочтен проверенным и оставлен в партии. Когда я в другой раз вернулся уже из отпуска, Лелевича в Махачкале не было, он был арестован и вывезен. Перед этим появилось, если память мне не изменяет, кажется в "Северо-Кавказском большевике" или какой-то другой газете, заметка об ошибочных и вредных установках, проводимых Лелевичем в своих статьях, впоследствии аналогичная заметка появилась и в журнале "Большевицкая печать", но Лелевича уже в Дагестане к этому времени не было, я же оторвался от Института с начала июня 1934 года и делами его не мог заниматься, а с ноября 1934 года вовсе ушел работать в Главсуд. Почему все-таки наша партгруппа в том числе и я, не сумела разоблачить Лелевича по его литературным трудам? Потому что, вся наша партгруппа, в том числе и я, была недостаточно знакома, подчас и вовсе незнакома с беллетристической литературой; никто из нас не занимался и не занимается критическим анализом ни дореволюционных литературных произведений, ни современных трудов советских писателей. В лучшем случае мы читаем их на сон грядущий, затем отбрасываем прочь. Что же касается исследования и критического анализа литератур народов Дагестана, так тут прямо-таки, мрак и ранее никем неизвестная область. Надо быть особым любителем, чтобы сперва перевести их на русский язык, затем разработать их и написать критический очерк этих литератур. Этим делом у нас никто не занят, а потому и этой области работы никто не знает. И вот почему Лелевич, видимо, воспитавший себя в направлении критического анализа литературных произведений, оказался большим любителем и дагестанских литератур, не мог найти себе оппонента и к тому же, при общей слабости политической грамотности литературоведческих работников Дагестана, легко протаскивал в своих работах необходимую ему вредную идеологию.

В чем я считаю провинившимся перед партией? Я виновен, как и все руководящие работники Махачкалы того времени в том, что не смог своевременно разоблачить этого троцкистско-зиновьевского последыша — Лелевича, верил ему также, как верило и все городское и областное руководство того времени. Сейчас, когда лицо Лелевича стало ясным для всей парторганизации, я тяжело, морально страдаю и казню себя за допущенную мною политическую слепоту. Но я вовсе не виновен в предъявленном мне обвинении в том, что, якобы, я в личной жизни был близок к проходимцу Лелевичу. У меня никогда не было личной жизни. С малых лет я приобщился к революционной работе. В самое тяжелое время для партии, накануне Октября, я вступил в ее ряды. Я вырос вместе с моей партией на виду у рабочих г. Махачкалы и бедняков окрестных сел. В борьбе за советскую власть я потерял отца и брата — комиссара Почты, Телеграфа и железной дороги.

Было бы невыносимо тяжело для меня связывать мое честное имя с именем предателя партии — Лелевичем. Но если партия найдет, что за работу мою в одной парторганизации и в одном советском учреждении с Лелевичем, куда он прибыл по путевке вышестоящих организаций, я все-таки заслуживаю осуждения, значит так и надо. Всю свою жизнь в Дагестане я преследовал и преследую лишь одну цель — помочь этому отсталому дагестанскому горцу выбраться из глубокой тьмы и невежества, в которой он пребывал не по своей вине. Исповедую общечеловеческие коммунистические идеалы моему народу, из недр которого я вышел и за средства коего я получил соответствующее образование.

Ибрагим Алиев

31.08.36 г.

ЦГА РД. Ф.1-п. Оп.1. Д.3149. Л.1-10. Подлинник.

№ 2

Письмо супруги заведующего сельхозотделом Дагобкома ВКП(б)
Н.П. Колесова Королины Колесовой И.В. Сталину¹⁶

19 февраля 1937 г.

Дорогой тов. Сталин!

Пишу и не верю, что мой голос дойдет до Вас. Мое обращение к Вам вызвано волюющей несправедливостью, творящейся в нашей республике к работникам Сельхозотдела ДК ВКП(б).

Преданные всей душой партии люди, работающие не щадя своих сил, активно борющиеся со всякими уклонами и двурушничеством, за совершенную ошибку в работе возводят в степень злейших врагов Родины, ставятся на доску с вредителями, троцкистами.

Исключенного и снятого с работы зав. сельхозотделом Николая Павловича Колесова¹⁷ в течение недели ежедневно прорабатывают в печати, и надо иметь стальные нервы, чтобы вынести этот поток грязных слов. Если он такой преступник, как пишут, то почему он на свободе, ведь его, кажется, расстре-

пят мало. Массы читают все это и им кажется все это неправдоподобным, а то, что он не изъять окончательно убеждает их в этом. За 10 лет его работы в Дагестане он пользовался особым уважением и любовью, на их глазах он вырос.

Люди же, покрывавшие и имеющие родственную связь с троцкистами, сидят у власти и творят политику.

Тов. Сталин! Я не возражаю против наказания, если он заслужил. Обидно только, что в то время, когда у нас много говорится о чуткости к людям, этой чуткости не видать в данном случае.

С приветом Королина Колесова.

ЦГА РД. Ф.779-п. Оп.10. Д.16. Л.104-105. Подлинник.

№ 3

Письмо председателя ДагЦИКа Магомеда Далгат секретарю партколлегии КПК по Дагестану Кофтерову по поводу письма Герасимова о службе Н. Самурского в Иркутской охранке.

23 августа 1937 г.

Секретарю Партколлегии тов. Кофтерову

Ваше предложение сообщить в Партколлегию, что мне известно о прошлом т. Самурского (по поводу письма Герасимова) сообщая следующее:

В начале 1923 г. Кормасов (тогда был предСНК ДАССР) сказал мне (месяца за 2-3 до этого я был избран председателем ДагЦИКа), что Герасимов, который в 1922 г. был представителем РСФСР при правительстве ДАССР и за плохое поведение (пьянство и т.п.) был исключен из партии Дагестанской Областной Контрольной Комиссией и приехал из Москвы специально для участия в разборе своего дела. Тогда же сообщил ему (Кормасову) о темном прошлом Самурского, что будто бы Самурский в бытность свою в городе Иркутске (до революции) имел отношение к царской охранке. Через несколько дней в руках Кормасова очутилось заявление Герасимова по этому вопросу. В заявлении подтверждалось, что Самурский имел отношение к охранке и что его боялись революционеры в Иркутске (ссылные). Заявление это Кормасов хотел передать в ЦК и ЦКК т.к., по его словам, он боялся, что в Дагестанских организациях могут замять этот вопрос.

В течение нескольких лет я ничего не слышал об этом заявлении, но в конце 1926 или в начале 1927 г. (точно не помню) вопрос о заявлении Герасимова возник при следующих обстоятельствах. Однажды Кормасов позвонил мне с просьбой зайти к нему вечером на квартиру (тогда в 1926-27 гг. я был секретарем Дагестанского Комитета ВКП(б) и, когда зашел вечером в кабинет Кормасова, там были уже ряд местных товарищей: Кормасов, Самурский, Ахундов, Тахо-Годи и др. (больше не помню)). На этом совещании Кормасов заявил,

¹⁶ Как видно, о редакции Н. Самурского на письмо Герасимова М. Далгат ничего не пишет. в кабинете еще находились И. Алиев, Х.-М. Ханмагомедов и Атаев.

что по просьбе ряда товарищей он решил ознакомить с одним заявлением по поводу Самурского и тот же, вынув из кармана, зачитал заявление Герасимова. Я был очень удивлен, что заявление до сих пор находилось у него, т.к. был убежден, что заявление давно направлено куда следует. И я, и ряд товарищей возмутились поведением Коркмасова в этом вопросе и требовали от него объяснения, почему он задержал заявление, и почему он именно при себе держал столь серьезный документ. Коркмасов, вдруг, тут же порвал заявление при протесте товарищей, и заявление, таким образом, было уничтожено на глазах у всех.

Само собой разумеется, что я, как секретарь Дагестанского Комитета ВКП(б) обязан был информировать ЦК ВКП(б) обо всем этом, но пока я это сделал, один местный работник Габиев Саид успел написать заявление по этому вопросу в ЦК.

Весною 1927 г. в Дагестан была прислана комиссия ЦК и ЦКК в составе Шеболдаева и одного члена Президиума ЦКК (фамилию забыл). В связи со склокой в руководящей верхушке Дагестанской парторганизации и расследования обстоятельств появления заявления Герасимова и его уничтожения, комиссия допросила всех товарищей, знавших об этом заявлении и сделала свой доклад на Президиуме ЦКК. Какие предложения вносила комиссия мне неизвестно, т.к. на этом заседании я не участвовал. После мы получили решение ЦК и ЦКК, в котором уничтожение документа Герасимова обсуждалось и ставился на вид участникам совещания у Коркмасова.

В этот же период на руководящую работу в качестве первого секретаря был прислан Грановский М.Л. По существу заявления Герасимова решение ЦК или ЦКК я не видел, но мне сообщил тов.Полин (был тогда председателем Дагестанской Областной Контрольной Комиссии) присутствовавший на заседании Президиума ЦКК во время доклада комиссии, что дело это прекратили за недоказанностью обвинения.

После этого, насколько мне известно, этот вопрос не поднимался ни в Дагестане, ни в Москве.

М.Далгат

ЦГА РД. Ф.779-п. Оп.10. Д.9. Л.65-66. Подлинник

№ 4

Заявление Азиза Бултанова¹⁸ Пленуму Дагобкома
и в ЦК ВКП(б) И.В.Сталину

10 октября 1937 г.

Второй секретарь Дагестанского обкома партии Сорокин, член бюро — зав.ОРПО Ибрагимов Хайрулла¹⁹, член бюро — зав.отделом пропаганды и агитации Берязняков²¹ фактически кто в большей, а кто в меньшей мере являлись пособниками националистов.

¹⁸ Шеболдаев тогда работал зам.заворграспредотделом ЦК ВКП(б). В состав комиссии входил член ЦКК Минков.

²¹ См. примечание № 70.

Сорокин, указывая на групповую борьбу, на инсценировку за групповое обставление его, как нового человека в организации дезорганизовал организацию в борьбе с буржуазно-националистической группой.

По имеющимся сведениям, на областной конференции²² он выступил в защиту кандидатуры Сеид-Гусейнова и, видя, неправильную линию Самурского²³, Мамедбекова, Далгата²⁴ не выступил против этих националистов, тем самым представил им возможность пробраться к руководству.

Ибрагимов Хайрулла долгое время работал вместе с этими врагами народа и не только разоблачал их, а наоборот — поддерживал. Находясь в Москве, он был связан с Самурским, Шовкринским, принимал участие в так называемой "Дагестанской секции общества историков-марксистов". Работая в Хасавюрте, он провалил работу парторганизации. Во время работы в Дагобкоме был тесно связан с Самурским и фактически был его ставленником.

Кулаев, по заданию Самурского, написал статью, в которой развертывает групповую завесу для скрывает буржуазно-националистической политики Самурского и других. Он вызывает большое сомнение и я полагаю, что он принадлежал к осетинской буржуазно-националистической партии керменистов²⁵.

Березняков во всех вопросах общего руководства проявил полнейшее бездействие.

Кроме изложенных моментов надо сказать, что в горах колхозы организованы не по Сталинскому уставу — земля не обобществлена, колхозное хозяйство для многих колхозников фактически является подсобным хозяйством. Партийные организации, где проводили обмен партдокументов Самурский и Сорокин сильно засорены классово-чуждыми белогвардейцами и перерожденцами.

В вопросах о языке и алфавите нет партийно-принципиального отношения. В переводах имеются контрреволюционные извращения, многие важнейшие документы не стали достоянием широкой массы трудящихся из-за отсутствия их в национальных языках. Аппараты печати и издательства засорены классово-чуждыми и враждебными элементами. До сих пор не отменено антипартийное решение ДК ВКП(б) от 1933 г.²⁶, в котором фактически воспрещается развертывание антирелигиозной пропаганды в горах Дагестана. Решение 2-го пленума ДК ВКП(б)²⁷ о пропагандистской работе в Дагестане является куцым, ряд принципиальных вопросов не охватывает: о создании учебных пособий для национальных районов и др. Положение курсов пропагандистов по-прежнему остается неблагоприятным. Молодые кадры из националов не получают помощи и поддержки для роста, а наоборот, их заедает карьера начальствующих людей. Все это протекает перед глазами вышеуказанных людей. Буржуазные националисты проводили свою контрреволюционную линию, а эти люди оказались простыми наблюдателями.

Исходя из всего изложенного, считаю, что эти люди не заслуживают политического доверия. Необходимо немедленно созвать пленум ДК ВКП(б), конференцию, чтобы полностью их отстранить от руководства работой в ДК ВКП(б).

Бултанов (подпись)

ЦГА РД. Ф.1-п. Оп.1. Д.3616. Л.169. Подлинник.

Заявление Исаева Гафура Гаджимагомедовича²⁸, бывшего секретаря Лакского райкома ВКП(б) И. Сталину, В. Молотову, Н. Ежову.

Центральная Махачкалинская тюрьма.
21 февраля 1939 г.

17 ноября 1937 года заочно исключен из рядов ВКП(б) и арестован НКВД ДАССР по обвинению в принадлежности к буржуазно-националистической организации в Дагестане. Обвинение же было предъявлено 19 февраля 1939 года, до этого не было и допроса. При предъявлении обвинения задним числом, когда я категорически отказался от выполнения беззакония, то следователь меня посадил в подвал НКВД — режимная камера, где был оставлен без допроса до 8 октября 1938 года. 8 октября был вызван на допрос следователем Ищенко, который, не имея никакого конкретного материала на меня, сейчас же поставил на стойку и начал требовать, чтобы я рассказал, кем я был завербован в контрреволюционно-буржуазно-националистическую организацию. Во время моей стойки зашел в кабинет следователя начальник 4-го отдела НКВД Конарев, который нанес оскорбления, стал угрожать убить меня, говоря: "стрелять буду, дай показания, что ты буржуазный националист".

Убедившись в том, что меня искалечат и изувечат, как остальных сидевших со мной в камере Набиева, Ибрагимова, Эмирбекова и других, я был вынужден наклеветать на себя и на других и выполнить все требования следователя Ищенко и дал вымышленные показания. Я не был никогда буржуазным националистом, не знал и не знаю о существовании такой организации в Дагестане. Никогда не занимался вредительством, ни в каких антипартийных уклонах не был замещен, не имел никаких связей с ними, наоборот, беспощадно боролся с ними. Не имея никаких оснований, меня искусственно хотят сделать врагом народа.

За время пребывания в тюрьме, т.е. 9 января 1939 г., я имел возможность подать заявление прокурору Республики Филатову о своем отказе от данных показаний, как подписанных мною по принуждению (по его посещению камеры).

Сам я происхожу из бедной семьи, вырос как круглый сирота, комсомолец с 1922 г., в партии с 1925 года, воспитали меня и вырастили Ленинский комсомол и партия Ленина-Сталина, всю свою сознательную жизнь отдал за великое дело коммунизма. Сижу в тюрьме по сей день ни за что, с делом совершенно не знаком. Прошу Вашего вмешательства в мое дело, дабы оно приняло справедливый и объективный разбор.

Г. Исаев.

Приписка к тексту заявления. Это заявление напечатайте в 5-и экземплярах и отправьте Сталину, в Совнарком Молотову, НКВД СССР, копии дома.

Бросьте в почтовый ящик скорого поезда на станции. При получении подтвердите передачей кило сыра или носки.

Заявление написано на полотне, сделанной из нательной рубашки химическим карандашом путем увлажнения полотна. Опубликовано в газете "Новое Дело," 7 октября, №36, 1939

Завление Ю.Н.Шовкринского в ЦК ВКП(б) и Председателю комиссии Партконтроля при ЦК ВКП(б).

Центральная Махачкалинская тюрьма.

Не позднее 16 мая 1939 г.²⁹

Я горец из лакцев Дагестана. Отец, дед — сапожники, сам тоже сапожник. Родился в 1902 году, участвовал в гражданской войне как красногвардеец и красный партизан, в партии состоял с 1919 года до заочного исключения в 1937 году. Мои ближайшие родственники 12 человек погибли в боях против белых, мой отец, брат и я сам подвергались жестоким репрессиям за революционную деятельность со стороны белых и турок.

В 1924-28 гг. я окончил Свердловский университет в Москве, как до, так и после активно боролся за генеральную линию нашей партии, мои печатные статьи против троцкистской и иной контрреволюционной контрбанды печатались вплоть до журнала "Историк-марксист" под редакцией Емельяна Ярославского³⁰. Работая в 1928-30 гг. в Дагестане, принимал горячее участие в борьбе против правых, "левых" контрреволюционеров, против дагестанских туркофилов.

Председательствуя в проверке по чистке парторганизации Дагнаркомзема, мною была раскрыта большая группа, орудовавшая в НКЗеме и сейчас же арестованная Даготделом ОГПУ в 1929 году³¹.

Трудно всего рассказать в этом заявлении. А теперь по воле разоблаченных злодеев бывшего НКВД Ломоносова³², его заместителя Савина, троцкиста Страхова, белогвардейца Комфорина, пролезших в органы НКВД — я превращен в изменника Родины, в ренегата, в буржуазного националиста.

Тов. Председатель! 28-й месяц нахожусь под арестом и следствием — арестован 17 февраля 1937 года. Первые 10 месяцев пребывания под арестом, меня обвинили в принадлежности к Лакской троцкистской группе³³, которая, якобы, существовала в 1927-28 гг. О ней впервые я слышал на следствии при допросе. Применяя ужасные пытки, бессонницу, голод, стойки и др., меня принудили тогда подписать клевету, что я со слов Магдиева³⁴, сказанные мне в мае 1935 года, знал о существовании в 1927-28 гг. троцкистской группы в Лакском районе, хотя сам к ней не примыкал. Ложь и еще раз ложь.

После ареста Рябокона³⁵ и Шацкого³⁶, после ареста Самурского, я уверен был, что меня освободят и вернусь в семью великой нашей партии, так как я арестован был по их прямой директиве и никаких доказательств, изобличающих меня в НКВД ДАССР, кроме голого, принужденно данного показания Магдиева не было.

²⁸ в тексте "стоянку", "стоянки"
²⁹ См. примечание №7.

Вместо этого бывший Наркомвнудел ДАССР Ломоносов, белогвардеец и его охвостье, продержав без допроса 9 месяцев, взяли в ноябре 1937 года в такой оборот, что и чего во сне не мог бы видеть я. Я был брошен в уборную, или как ее называли в спецкамеру, без одежды, постели, на голый пол из митлаасских плит, затем поставлен для пыток на стойку в стальных кандалах.

В 1-ю ночь меня избил до потери сознания бывший нарком Ломоносов в своем кабинете, затем перевели в кабинет моего тогдашнего следователя Страхова (арестован и сидит как троцкист рядом со мной в соседней камере), где систематически били и истязали несколько суток подряд, топтали до тех пор, пока я окончательно не потерял волю и рассудок и не подписал им сфабрикованное на 30-ти и более страницах протокол. Протокол подписан 7 декабря, а датирован от 27-30 ноября 1937 года. Причем рукописный текст этого протокола, написанный рукой Страхова, до сих пор в деле нет. Это не единственный протокол, а роман с чудовищной ложью и клеветой.

Таким образом, я был произведен Ломоносовым и К^о из троцкистов в буржуазные националисты. Какой я буржуазный националист и как я боролся против буржуазно-националистических тенденций в Дагестане, исторической и художественной литературе могли бы рассказать Павленко П., Тихонов Николай, Пасынков и др. Но Ломоносовы и его охвостье интересуются не выяснением истины, а голыми признаниями, выбиваемыми в результате жесточайших пыток, с целью погубить как можно больше преданнейших партии большевиков.

28 мая 1938 года Ломоносовская банда во главе с меньшевиком Саввиним и белогвардейцем Комфориним (один зам.наркома, другой начальник 4-го отдела — оба сидят) начали новый тур экзекуции и избиений. 2 июня того же года, убедившись в том, что я не поддаюсь их угрозам и не подтверждаю свои показания от 27-30 ноября 1937 г., меня спустили в баню тюрьмы Дагестанского НКВД и голое тело мое пороли до тех пор, пока два раза не терял я всякое чувство и сознание. Потом подняли в кабинет Саввина, там били и, превращенный к какой-то кровавой обрубку мяса, был брошен в спецкамеру-уборную и только 10 июня, под угрозой повторения кровавой ночи, меня заставил Саввин написать завление, что де мол "я подтверждаю свои показания и готов дать дополнительно". Вот как фабрикуют здесь предателей и изменников, вот как выбивают здесь ложь и клевету.

Вот эта К^о злодеев разоблачена, а мое дело и подобных мне десятков невинных большевиков из молодежи Дагестана осталось по старому и передано Военному Прокурору Северо-Кавказского Военного округа для предания суду Военного Трибунала по статье 58, п.п.1,2,7,8,11. За что? За честную, преданнейшую нашей партии и Советской власти службу в течение 18 лет! За все годы своей сознательной жизни я кормился и рос грудью великой нашей матери Ленинско-Сталинской большевистской партии. Символом моей веры были имена Ленин, Сталин, а путеводной звездой моей жизни — ленинизм.

Я все получил от большевистской партии, и культуру, и образование, и Родину, и счастливую жизнь. Я все имел и искать чего-либо вне рамок великой нашей Родины мне нечего было и мотивов не имел. Ведь я не один тов. Председатель! Здесь такие как я, невинно погибающие десятки и десятки из горцев Дагестана — большевики. А сколько уже померло в тюрьме? Злодеи

и негодяи сначала мучили пытками одних, заставляя давать клеветнические показания на себя и на десятки других, а потом и этих принуждая их оклеветать и себя и третьих. Вот как крутилась карусель. Злодеи руководствовались избитым изречением: "Цель оправдывает средства". Своей целью злодеи поставили разгромить актив национальной части Дагпарторганизации и применить для ее достижения все средства. В данном случае я не говорю о Самурском, Кормасове³⁷, Габиеве³⁸ и др. им подобных. Они до революции еще взрослые люди, выходцы преимущественно из социально-чуждой среды, кое-кто из них еще до революции примыкал к другим политическим партиям, действовавшие в России. Может быть, они и являются изменниками Родины, как их рисуют, может быть они и поставили перед собой какие-то буржуазно-националистические цели. Но причем же мы, молодежь, выросшая в социалистических садах, по выражению поэта Стальского Сулеймана, ведь мы большинство и в глаза не видели буржуазию. Что же нас могло тянуть к трижды проклятой Турции и туркам, которые за маленький срок пребывания в Дагестане в 1918 г. оставили как память о себе только виселицы, грабежи и насилия. Ничто и абсолютно ничто! Где же великий Сталин? Неужели Вы верите нашим вынужденным признаниям, добытым под поркой. Под палкой. Писал я обо всем этом и великому нашему Сталину, но не знаю дошло или нет.

Сообщая Вам обо всем этом, убедительно прошу Вас данное заявление ни в коем случае не направлять в Дагестанский Наркомвнудел. Я только недавно вышел из тюремной больницы, немного оправившись от результатов истязаний. Выдерживать новые пытки и мучения у меня сил больше нет и так харкаю кровью. Дайте, если считаете нужным, иное направление, какое сами Вы найдете нужным, только не НКВД ДАССР.

(Ю Шовкринский)

instituteofhistory.ru

Мой адрес: Махачкала, Центральная тюрьма, камера №28. Адрес отправителя на конверте вымышленный, чтобы письмо не изъяли. Приписка на поле полотна: Бумаги получить арестованным здесь почти невозможно

ЦГА РД. Ф.1-п. Оп.1. Д.4173. Л.16-19. Полотно.³⁹

№ 7

Справка секретаря Дагестанского обкома ВКП(б) Я.Болотина о результатах расследования заявления Ю.Шовкринского, возвращенного из КПК при ВКП(б)

31 мая 1939 г.

Комиссия Партийного Контроля при ЦК ВКП(б) тов. Крюкову
На №46/2133 от 16 мая 1939 г.

Дагестанский обком ВКП(б) сообщает, что Шовкринский Ю.Н., арестованный органами НКВД 17 февраля 1937 года как буржуазный националист обвиняется по ст.58 пунктам 1,1а,2,7,8,19 и 11 УК РСФСР.

Шовкринский Ю. Н. обвиняется в том, что примкнув в 1928 году к антисоветской буржуазно-националистической организации, на протяжении ряда лет по заданию руководителей буржуазных националистов в Дагестане проводил контрреволюционную, вредительскую работу. В 1934 году Шовкринский был одним из инициаторов двухкратного приглашения в Дагестан руководителя правотроцкистского центра — врага Томского, приехавшего для связи с буржуазно-националистическим подпольем в Дагестане. В 1934 году Нуровым Рабаданом (арестован), Шовкринский был посвящен в террористические планы буржуазно-националистической организации и полностью их разделял, также он был осведомлен о наличии боевой террористической группы, возглавлявшейся Самурским (осужден) и готовивший террористические акты на руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Будучи организационно связан с членами пантюркистанского центра Алиевым Умаром⁴⁰ из Карачая и Ошаевым Халидом из Чечни (арестованы) Шовкринский был ими проинформирован о существовании в гор. Пятигорске Краевого центра антисоветского буржуазно-националистического подполья.

По заданию руководящего ядра буржуазно-националистической организации, он занимался вербовкой членов в эту контрреволюционную организацию.

В предъявленных обвинениях на следствии Шовкринский виновным себя признал полностью, но в связи со сменой руководства НКВД Дагестанской АССР от своих показаний отказался, мотивируя свой отказ от данных им показаний тем, что к нему во время ведения следствия применялись противозаконные методы физического воздействия. Этот факт противозаконного метода ведения следствия с применением физических сил воздействия над Шовкринским действительно бывшим руководством НКВД Дагестанской АССР был применен, но с приходом к руководству в НКВД новых товарищей Шовкринскому созданы нормальные условия заключенного и никаких физических мер к нему не применялось.

В антисоветской деятельности Шовкринский изобличается еще и показаниями обвиняемых в количестве 36 человек. Дело на Шовкринского закончено и 1.04.39 года было передано прокурору Северо-Кавказского Военного округа для направления в Военный трибунал.

Суд Шовкринскому намечен на июль месяц с.г.

Секретарь обкома ВКП(б)

Болотин

ЦГА РД. Ф.1-п. Оп.1. Д.4173. Л.20-21. Копия.

№ 8

Жалоба (в порядке надзора), бывшего Наркомпроса ДАССР Астемирова Багаутдина Аджиевича Генеральному прокурору СССР, осужденного к 15 годам лишения свободы в ИТЛ.

Усть-Куть. Коми АССР. Не ранее 17 мая 1940 г."

⁴⁰ В тексте "Верховному".

⁴¹ Датирован по содержанию текста документа.

1 Военная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев 17 мая 1940 года мою кассацию на приговор Военного Совета Военного трибунала СКВО от 4-15 декабря 1939 г., утвердила мне осуждение с 20 лет до 15 лет с поражением в правах на 5 лет с конфискацией личного имущества. Не имея за собой абсолютно никакого преступления перед Советской властью и не будучи ни в какой степени причастным к какой-то совершенно неизвестной так называемой буржуазно-националистической организации, якобы существовавшей в Дагестане, принадлежность к которой мне инкриминировал бывший НКВД ДАССР Ломоносов, злейший враг народа, разоблаченный в начале 1939 г. вместе со своей шайкой в лице бывшего заместителя Саввина (белый эсер), бывшего начальника 9-го отдела Камфорина (бывшего белогвардейского офицера, боровшийся в 19-20 гг. против Советской власти, сына кулака), бывшего старшего следователя Страхова (в последующем осужденного за троцкизм и сына жандарма) и тогда еще не разоблаченных его приспешников, следователей Конарева и Затолокина в купе со своими единомышленником бывшим секретарем Дагобкома ВКП(б) Самурским, вскоре также разоблаченным как враг народа — я обращаюсь к Вам, как блюстителю советских законов за правдой и справедливостью и с убедительнейшей просьбой вмешаться в мое дело и опротестовать решение Военной коллегии от 17-го мая 1940 г., незаслуженно принятое в отношении меня, на основе нижеследующих, действительных обстоятельств дела:

Арестован я 30 апреля 1937 г. с предъявлением мне обвинения лишь по ст. 58 п.10, не упоминая ни о какой принадлежности к какой-либо контрреволюционной организации. Впоследствии тот же разоблаченный враг Ломоносов категорически требовал от меня дать на себя показания как на члена буржуазно-националистической организации, о какой я впервые слышал от него. Несмотря на то, что никогда в моей жизни не ставилось мне в вину какой-либо уклон от Ленинско-Сталинской национальной политики. Не говоря уже о принадлежности к контрреволюционным организациям или группировкам. Не было даже речи обо всем этом даже при моем исключении из рядов партии в ноябре 1936 г. по материалам того же Ломоносова и Самурского, хотя председатель Военного Совета Военного трибунала СКВО Фомин совершенно искалечил этот факт, записав в приговоре суда, что я "исключен из партии в связи с данным делом" (подробно см. ниже).

Не имел абсолютно никаких улик к изобличению меня в причастности к этой так называемой буржуазно-националистической организации. Вышеупомянутая шайка контрреволюционеров во главе с Ломоносовым в течение 10 месяцев подвергла меня жестоким физическим и моральным методам пытки (буквальному голоду, стойкам без сна до потери сознания, продолжением 9-12 суток, заключение в течение 10 месяцев в одиночках, сплошному ругательству и похабщину и издевательствам). Убедившись в моем упорном отказе от выполнения их требований, она 8 февраля 1938 г. избрала меня в бане резиновой палкой до тех пор, пока я не согласился подписать продиктованное мне клеветническое показание о том, что вслед за этим точно такими же не слыханными методами "следствия" шайка Ломоносова добилась и от других "участников" показаний на меня, необходимых для оформления меня, как

участника организации буржуазных националистов. Я, как и все другие, не выдержал ужасы всех этих пыток и наклеветал на себя и других. Обо всем этом я устно и письменно заявил 5 января 1939 г. комиссии из прокуратуры ДАССР Филатову, секретарю Дагобкома ВКП(б) Рыжову и др. и факты избияния меня были подтверждены врачебной экспертизой и на очной ставке моей со следователем моим Конаревым, лично меня избивавшим в бане. Я, в присутствии Филатова, Рыжова и врача подтвердил подробности того, что учинили надо мной в бане, на это Конарев ни одним словом не мог возразить.

Однако, не взирая на все эти комиссии, акты врачебной экспертизы, очной ставки и целый ряд моих последующих отказов от показаний из-под палки, написанных по конспекту Камфорина и Конарева, последние оказались все-ильными и завершили гнусный замысел Ломоносова — разгромить лучшие кадры партии Ленина-Сталина. Таким образом, искусственно возведенное на меня "дело" и оформлялось как "материал" предварительного следствия, послужившей к моему осуждению.

2. Эти "материалы" без всякого критического анализа, под давлением работников органов предварительного следствия, были рассмотрены с 4 по 15 декабря 1939 г. при закрытых дверях НКВД ДАССР, где проходил суд, буквально заштампованы Военным Советом Военного трибунала СКВО под председательством Фомина. При этом суд, без всякого основания к тому, отклонил мои законные ходатайства:

а) о вызове на суд на очную ставку моего "вербовщика" Коргмасова* и лиц, заявивших на предварительном следствии о моем, якобы, принадлежности к так называемой буржуазно-демократической организации, т.е. свидетелей обвинения (хотя бы одного, двоих), зная, что они как и я, все без исключения, присутствующие на суде обвиняемые, не смогут подтвердить на суде всю эту ложь и клевету, и что они откажутся от вынужденных, лживых показаний на меня;

б) о назначении экспертизы для выяснения и проверки фактов, приписанных мне, как вредительство в области культурного строительства;

в) о приобщении к моему делу ряда документов, явно опровергающих все эти обвинения и подтверждающих обратное: мои заявления прокурору Союза и ДАССР об издевательствах и пытках, которым подвергли меня, моих печатных статей, посвященных национальной политике партии в Дагестане, мое свидетельское показание на судебном процессе Магомедова, где я опроверг вынужденные, ложные показания на него (после чего он был оправдан судом).

г) акт врачебной экспертизы, зафиксировавший следы на моем теле, сохранившиеся почти в течение года, избияния в бане и о вызове живых свидетелей-работников НКПроса (Хвалова, Мелешука и Темирханова), которые своими объективными показаниями оправдали бы вынужденную ложь о вредительстве. Суд недопустил даже свидетелей обвинения, выставленных в обвинительном заключении, т.к. они отказались подтвердить на суде "свои" показания, подписанные под давлением работников НКВД и группой Сивуди "свидетелей", не проходивших ни по материалам предварительного следствия, ни по обвинительному заключению и по своей совместной со мной работе на

ответственных постах, обязанных нести и соответствующую ответственность за вредительство, если оно имело место (Разилов, Гаджиев Б., Мусаева Ф.). По представлению того же Сивуди Фомин допустил в качестве свидетелей обвинения Панаева, Багаева и Темирханова, лиц подставных и не имевших никакого отношения к моей работе, не знавшие ее и ничего на предварительном следствии не показавшие.

Все это, являясь грубейшим нарушением процессуальных норм ведения судопроизводства, было допущено исключительно потому, что суду не на чем было базировать свое решение по отношению ко мне, ибо весь "материал" предварительного следствия был опровержен всеми участниками процесса и фактами-документами мною легко опровергнуто, и провал был несомненный, т.к. кроме как показаниями лжесвидетелей — подставных лиц суду не было возможности поддержать выдуманных предварительным следствием обвинений (см. стенограмму судебного процесса).

3. Единственным документом обвинения, на котором обосновал Фомин наличие буржуазно-националистической организации в Дагестане, являлось решение ДК ВКП(б) буржуазно-националистическую и его практическую работу, направленной к подрыву колхозного строительства в горах. О своей не причастности к этому буржуазно-националистическому руководству я категорически заявил на суде, заявляю и Вам, что я буквально был в загоне у этого руководства в лице Самурского, который вскоре после своего возвращения в Дагестан буквально начал против меня кампанию. Дело в том, что Самурский, будучи председателем ЦИКа до 1929 г., проводил явно право-оппортунистическую линию в Дагестане, пытался доказать непримиримость тогдашнего лозунга партии о решительном наступлении на капиталистические элементы города и деревни в условиях Дагестана (см. его брошюру о методах определения социальных групп в Дагестане, где он проповедовал отсутствие кулака в горах и мои показания в июне 1937 г.)⁴¹

В связи с приездом в 1929 г. Грановского⁴² в качестве секретаря Дагобкома ВКП(б) молодые большевики, обученные партией в Москве, которым не удавалось до этого разоблачить Самурского, объединившись вокруг Грановского М.Л., начали решительную борьбу против право оппортунистической линии в Дагестане. Самурский стал возглавлять борьбу против партийного руководства и нам удалось его разоблачить, в результате чего он был снят с работы в Дагестане и отозван⁴³. В последующем, в 1931 году я, будучи заведующим культурным отделом Дагобкома ВКП(б), в связи с письмом Сталина "О некоторых вопросах большевизма" в редакцию журнала "Пролетарская революция" я организовал проверку литературы по истории революционного движения в Дагестане и подверг в печати большевистской критике брошюры Самурского о революционном движении в Дагестане, разоблачая целый ряд фальсификаций истории этого движения. Это стало предметом специального обсуждения в парторганизации ИКП в Москве, где учился в это время Самур-

* Текст стенограммы не прилагается

⁴² Здесь ошибка. М.Л. Грановский работал первым секретарем Дагобкома партии с 1927 по ноябрь 1928 г.

ский и его заставили выступить в печати с признанием своих ошибок. Всего этого он не мог забыть и, видимо, ждал удобного момента для расплаты, что он и осуществил после возвращения в Дагестан в качестве секретаря обкома⁴⁴. Он начал с того, что еще в 1936 г. он добился моего вывода из состава бюро под предлогом сокращения состава бюро и снятия меня в начале 1936 года из НКПроса. Не успокоившись этим, в связи с моим выездом в Москву на учебу, пользуясь обменом партдокументов, которого я проходил в Москве, он направлял за мной всякие кляузы, чтобы воспрепятствовать обмену моего партбилета, якобы я служил в белой армии, искажая один всем известный в Дагестане факт из моей автобиографии. Заключается этот факт в том, что будучи 18-летним юношей, с декабря 1917 г. по март 1918 г. я служил рядовым в учебной команде, организованной горским правительством, как мне теперь представляется (Советы в Дагестане еще не существовали), а о белой армии я не только не имел представление, даже и не слышал. Об этом факте я на всех чистках рассказывал, как и во время проверки партдокументов. Эти кляузы Самурского стали предметом специального обсуждения на бюро Киевского райкома ВКП(б) г. Москвы, где я проходил обмен, где я давал подробное объяснение всем кляузам и подробно излагал свою службу в вышеназванной команде, бюро райкома не нашло это мотивом, ставящим к какой-либо степени под сомнение мою преданность партии Ленина-Сталина и выдали мне новый партбилет. Убедившись в невозможности запачкать меня в объективной организации, он добился моего отзыва с учебы в сентябре 1936 г. и исключение из партии в ноябре того же года по одному единственному, по-существу, этому же мотиву, хотя и этот момент искажен Фоминым, записавшим в приговоре суда, якобы я исключен из партии в связи с данным делом, т.е. буржуазно-националистической организацией, тогда как в решении обкома о моем исключении из партии нет даже намек на буржуазный национализм и я в течение полгода находился на воле после исключения из партии. Я не только не был в составе этого руководства и тем более не имел непосредственное отношение к вопросам колхозного строительства, о котором идет речь в решении ЦК ВКП(б), а, наоборот, этим руководством был отстранен от всего вплоть до исключения из партии. Этим же руководством Самурского и Ломоносова я был и арестован. Вместо разбора всех этих фактов Фомин отнес и меня к этому руководству, сделал вытекающие выводы и другие обвинения. Вторым аргументом суда было решение объединенного пленума Дагобкома и ДКК от 1924 г. и выделении ДАССР из состава Юго-Восточного края с непосредственным вхождением в РСФСР, единогласно принятое и подписанное всеми 43 участниками пленума, в том числе и мною, как документ, направляющий в ЦК ВКП(б) на утверждение и последним, по-существу, удовлетворенный⁴⁵. Безусловно, будучи к тому же в то время политически и технически малограмотным, я не мог разобраться в редакции этого решения и подписал его, как участник пленума (я был тогда секретарем райкома ВКП(б) и как принятое пленумом решение и никак не мог его рассматривать как документ, тем более, как какую-то платформу контрреволюционной организации буржуазных националистов, как это квалифицировалось через 15 лет предварительным следствием и на суде Фоминым. Безусловно, по одному тому, что я подписал в

1924 г., это решение, нельзя судить о моей причастности к так называемой буржуазной организации, тем более, что предварительное следствие "оформило" меня членом этой организации с 1929 г., к тому же, более грамотный и не только подписавший его, но, вероятно, и редактировавший его на бюро обкома, как член бюро, Саид Габиев, судившийся вместе со мною, оправдан тем же судом Фомина. Также освобождены им же и следствием, подписавший это решение Атаев Д., Гадис Гаджиев и др., а многие вовсе не были привлечены. Никаких других документов против меня, как и живых свидетелей суд не выставил, да и не мог, ибо их нет вообще. Наоборот, все свидетели "обвинения", как проходившие по одному со мною процессу, так и другие совершенно отказались от "своих" показаний на меня, как на совместного участника организации. Мало того, ряд этих "свидетелей", "участники" организации (Д.Атаев, Гадис Гаджиев, Али Гамринский⁴⁷, С.Сулейманов, З.Феодаев⁴⁸, Амужат Сеид-Гусейнов⁴⁹ и др.) давно освобождены судом, а многие другие (Доветов С., А.Сеид-Гусейнов и др.) также отказались от показаний на меня и их дело тем же судом было направлено на новое следствие.

4. Нечего и говорить об инкриминировании мне обвинений по ст.58 п.п. 2 и 8, основанных лишь на том, что, якобы, организация буржуазных националистов, участником которой я никогда не был, ставила своей задачей вооруженное восстание и совершение террористических актов против вождя партии и правительства, при абсолютном отсутствии даже и в материалах предварительного следствия каких-либо фактов моего прямого или косвенного участия в них.

5. Инкриминируемое мне обвинение во вредительстве (ст.58¹) в области культурного строительства в Дагестане легко могло быть опровергнуто данными о состоянии культурного строительства в момент прихода в НКПрос (1932 г.) в сопоставлении с состоянием его к моменту моего ухода из НКПроса (1936 г.). Меня обвинили в изгнании из школ ДАССР русского и родных языков. Я возбуждал ходатайство перед судом составить компетентную экспертизу по этому вопросу или истребовать из ДССР ряд документов и справок и о вызове из НКПроса живых свидетелей, но в них мне было отказано без всякой мотивировки. Безусловно, привлечение этих документов и живых свидетелей: начальника школьного отдела НКПроса ДАССР Ковалева Ф., заведующего планово-финансовым отделом Малещука и ответственного по учебникам Темирханова Мирза, подтвердили бы, что только с момента моего прихода на работу в НКПрос именно началось фактическое внедрение в школах и педтехникумах русского и родных языков, учебные сетки для школ Дагестана, впервые составленные с 1934 г. по моей инициативе, учебники для всех классов начальной школы по всем предметам на родных языках, составленные и утвержденные по моей инициативе, др. мероприятия по внедрению русского языка (увеличение часов для русского языка, перевод преподавания предметов, не обеспеченных учебниками на родных языках, на русский язык, перевод национальных техникумов в города с целью усиления влияния русского языка, реорганизация Буйнакского педтехникума в общедагестанский с переводом преподавания всех предметов с тюркского на русский, подготовляющий преподавателей на русском языке, курсовые мероприятия по ежегодной подготов-

ке и переподготовке преподавателей русского языка, организованные также впервые мною и т.д.) также ясно говорят об этом. Между тем суд под председательством Фомина полностью игнорировал этими фактами, не привлек их к разбору, несмотря на мои настоятельные ходатайства.

Суд совершенно голословно обвинил меня во внедрении в школах тюркского языка, тогда как ни в одной нетюркской школе тюркский язык не преподавался при моем руководстве, что на суде подтвердил и сам нынешний Нарком просвещения ДАССР Разилов и ни один учебник на тюркском языке в Дагестане нами не издавался. Все это легко установить документально в любой момент. Меня также огульно и голословно обвинили в засорении состава учительства чуждыми элементами, не указав ни одного чуждого, принятого мною. Если бы даже это и имело место, то это могло произойти исключительно по вине местных районных исполкомов, кои по решению ЦК и СНК о школе в 1935 г. занимались приемом и увольнением учителей по представленному им законному праву. Наоборот, после этого решения, по которому регулировали состав учительства, представленный НКПросом, я своими приказами в 1935 г. в порядке индивидуальной проверки учителей, исключил из их состава 180 чуждых элементов, принятых без меня. (см. приказы по НКПросу ДАССР за 1935 г.). Обвинение меня в игнорировании популяризации в учебниках вождей пролетарской революции Ленина, Сталина также является голословным, ибо все учебники, мною утвержденные, составлены в полном соответствии с программами НКПроса РСФСР, очевидно, утвержденные в ЦК ВКП(б) и подробному профилю русских стабильных учебников, также, очевидно, просмотренные ЦК и одобренные последним. Любая экспертиза легко могла бы установить и этот неопровержимый факт. Если бы такое игнорирование и имело место, то следовало бы привлечь к ответственности самих авторов этих учебников, между тем все они по сей день работают по учебникам. Мало того, я не только не игнорировал популяризацию вождей пролетарской революции Ленина, Сталина, а, наоборот, лучшие свои поэтические произведения посвящал им. (См. Литературный сборник "Поэты Северного Кавказа" и др.). Мне также инкриминируется срыв школьного строительства. Фактические данные могут подтвердить, что ни в один год план школьного строительства не выполнялся меньше, чем на 120% при моем руководстве и ДАССР занимала по выполнимости плана школьного строительства 2-е место по РСФСР и это могла установить экспертиза. Короче говоря, успехами культурного строительства достигнуты именно при моем руководстве в 1932-36 гг. и поныне заслуженно гордится ДАССР, как о них в августе 1939 г., почти накануне нашего судебного процесса, "Дагестанская правда" в статье, посвященной открытию Всесоюзной сельскохозяйственной выставки писала: "Благодаря неуклонному проведению Ленинско-Сталинской национальной политики выросла культура". На стенде обо всем этом приведены точные данные. Посетители увидят, как в Дагестане из года в год растет количество школ, техникумов, вузов, больниц. Эти точные данные относятся как раз к периоду моего руководства НКПроса ДАССР, и именно их я просил суд привлечь к разбору.

6. Я никак не мог быть ни по своему социальному происхождению, ни по своему прошлому противником Ленинско-Сталинской национальной политики,

ибо именно благодаря ей я стал полноправным гражданином, вообще, и одним из руководителей социалистического строительства, в особенности, превратившись из вчерашнего неграмотного сына бедняка-национала вполне грамотного Народного Комиссара. Благодаря им же, я встал в почетные ряды советских писателей и стал печататься на своем родном языке и в переводах на русский язык. Чтобы сгустить краски, председатель суда Фомин записывает мне в приговор, что я служил в белой армии и является лжепартизаном. Я категорически заявлял на суде, заявляю и Вам, что я никогда в белой армии не служил. Еще до возникновения Советов в Дагестане я 17-18 летним юношей служил 3 месяца в учебной команде горского правительства рядовым (декабрь 1917 - март 1918 гг.), после чего дезертировал, что могу подтвердить живыми свидетелями и справками (см. п.3 настоящей жалобы). Наоборот, в 1919 году, в момент бешенного разгула белой армии в Дагестане, я боролся против нее в рядах кумыкско-чеченского революционного отряда в качестве помощника начальника реквизиций и конфискации штаба этого отряда (документ находится в музее, копия отобрана Дагестанским НКВД) и после его разгрома белыми, работал в подполье. В подтверждении этих фактов, я ходатайствовал перед судом вызвать живых участников этого отряда, в чем мне было отказано.

Фомин также смазывает очень существенный важный факт — снятия меня еще в феврале 1936 г. с работы Наркома просвещения буржуазно-националистическим руководством Дагестанского обкома в лице Самурского, при покровительстве ныне разоблаченного врага народа Кахиани (бывшего уполномоченного КПК по Орджоникидзевскому краю) и то, что в течение 14 месяцев, отделяющих мой уход из НКПроса от момента ареста, я буквально находился под травлей вышеуказанных врагов народа Самурского, Ломоносова, Кахиани, полгода был оставлен буквально безработным, а последующие 2 месяца перед арестом работал уполномоченным сырьевого отдела Махачкалинского рыбоконсервного завода, а вовсе не Наркомом просвещения ДАССР, как написано в приговоре суда. Вместо объективного раскрытия истинной подоплеки указанных выше издевательств надо мной и травли со стороны буржуазно-националистического руководства Дагобкома партии, председатель суда Фомин и меня отнес к этому руководству и неправильно меня осудил.

7. Военная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев 17 мая 1940 г. мою кассацию в общей группе из 16 обвиняемых, нисколько не обеспечила критический анализ и разбор моего дела по-существу, с индивидуальным подходом к каждому обвиняемому. Коллегия не учла изложенные в моей кассационной жалобе обстоятельства, коренным образом раскрывающие всю искусственность создания дела на меня при полном отсутствии какого-либо состава преступления с моей стороны все несоветские методы следствия, выбиравшие ложь и клевету бесчеловечными пытками, оставившими на моем теле следы калечений, подтвержденные актом врачебной экспертизы 5.01.39. в присутствии самого истязателя-следователя Конарева (см. п.1 жалобы), неоднократные мои отказы от вынужденных из-под палки, по существу, подписей на "протоколах" допроса в процессе следствия и на суде, полный отказ самих "свидетелей" обвинения от клеветнических показаний на меня и на выставле-

ние судом Военного Совета Военного трибунала СКВО ни одного живого, настоящего свидетеля или документа, подтверждающих правильность предъявленных мне обвинений. Военная коллегия не учла вовсе и то, что Военный Совет допустил грубейшие нарушения процессуальных норм УПК, отклонив все мои вполне законные ходатайства и лишив меня всякой возможности защиты (см. п.2 жалобы), целиком заштамповала обвинительные "материалы" следствия и неправильно осудила меня.

Военная коллегия Верховного суда СССР, фактически не рассмотрев мое дело по существу и сама стала на путь штамповки ничем незаслуженного мною приговора. Военный Совет Военного трибунала СКВО от 4-15 декабря 1939 г. и утвердила его целиком.

Подтверждением этой штамповки является и тот факт, что Военная коллегия в своем определении, не указывая никакие мотивы отклонения его, выставленных мною в кассации неопровержимых доводов, фактов моей невиновности, не приводит и свои основания к утверждению моего осуждения.

Ввиду всего вышеизложенного, я настоятельно прошу Вас опротестовать перед Президиумом Верховного суда СССР решение Военной Коллегии обо мне от 17 мая 1940 г. и реабилитировать меня.

Я никак не могу допустить и в мыслях своих, чтобы меня, отдавшего всю свою сознательную жизнь делу партии Ленина-Сталина, войдя в ее ряды в 1920 г., самый тяжелый период борьбы за Ленинско-Сталинской национальной политики, будучи одним из первых организаторов комсомола в Дагестане, не имевшего за 16 лет пребывания в партии абсолютно никаких взысканий, в условиях Сталинской Конституции можно было бы, без единого преступления, осудить к лишению свободы. Это только на руку врагам народа вроде Самурского, Ломоносова. В этом глубоко я убежден.

Я повторяю, абсолютно я ни в чем не виновен. Моя вина заключается, может быть, в том, что я человек естественный, а не стальной, не смог выдержать нечеловеческие пытки и подписал клевету и ложь на себя в полной, однако, надежде, что советское правосудие разберется в истине. И если эту истину мне не удалось добиться до сих пор, то обращаюсь к Вам с одной просьбой — помочь мне в этом и реабилитировать себя и тем самым дать мне возможность продолжить славную борьбу за процветание социалистической великой Родины своей, под водительством мудрого Сталина, идущего на всех парах к торжеству коммунизма.

Б. Астемиров
Лагерное дело № 117226

Коми АССР
Почтовое отделение Усть-Кута,
почтовый ящик № 219/1-13
Астемирову Б.А.

Подлинник документа хранится в бывшем
Центральном музее Революции СССР

Фотокопия документа хранится у старшей дочери
Б.А. Астемирова Фариды Багаудиновны Астемировой.

Заявление Булач Тату Омаровны Народному Комиссару Внутренних Дел ДАССР Пантелееву А.И., осужденной ОСО НКВД СССР на 8 лет "СНОР", находящейся в Карлаге Бидаикского отделения НКВД СССР.

Лагерное дело 188896.

Не ранее октября 1940 г.

8 октября 1937 г. я была арестована НКВД СССР по материалам и требованию НКВД ДАССР и этапирована в г.Махачкалу. Несмотря на то, что 16 лет жила и работала вне Дагестана, в г. Москве.

В 1940 г. я была осуждена с обвинением "СНОР", исключена из партии в 1938 г. как троцкистка из кулаков. Основанием для моего ареста послужила справка, в которой данные обо мне не соответствовали действительности: указано было, что я чл. ВКП(б) с 1919г., а я была чл. ВКП(б) с 1918 года; указано было, что с 1923-25 гг. работала в Дагестане, а я училась и работала в г.Москве; указано было, что 1925-27 гг. училась КУТВ, а я в 1922-27 гг. училась и 1926 г. (выпуск 1926 г.) окончила Московский институт народного хозяйства им. Плеханова; указано было, что я увольнялась с работы как троцкистка — этого никогда не было; указывалось, что последняя работа директором вечерней академии им. Сталина, где я уже 1 г. не работала, а в момент ареста работала в Наркомпищепроме РСФСР, и, что я была связано с Тахо-Годи, с которым ничего общего никогда не имела, наоборот, он относился ко мне враждебно.

Стипендию Дагестанский НКПрос мне не давал, даже после окончания не послал на меня требование, потому что Самурский и его приспешники не давали мне работать в Дагестане и всеми силами за моей спиной старались меня угробить.

В 1936 г. в "Дагестанской правде" появилась заметка, сфабрикованная Самурским. Туманная формулировка заметки, что "в свое время в г. Буйнакске существовала троцкистская группа", оказывается, относилась к 1923 году.

В 1923 г. в феврале приехала в декретный отпуск в г. Буйнакск, к матери. 1,5 месяца работала в Буйнакском РК ВКП(б). В конце июня родила, в октябре вернулась на учебу (училась на ...курсе Московского Института Народного хозяйства, а в декабре приехала на зимние каникулы (имела грудного ребенка, которого кормить не могла, болела грудницей).

30-31 декабря 1923 г. присутствовала на партсобрании, где прорабатывалась решение ЦК ВКП(б) от 5.XII.23 г.⁵¹ Была выдвинута РК председателем собрания, но видя, что местные работники хотят сводить личные счеты с секретарем РК Хавриенко⁵², не умея справиться — отказалась. Говорили о платформе Пятакова и Преображенского. Политически я была недостаточно подготовлена, но достаточно, чтобы знать и чувствовать и, несомненно, голосовать всегда за правильную линию ЦК ВКП(б) Никаких троцкистских выступлений я не делала и, конечно, никакой Буйнакской группе отношения не имела.

⁵¹ Датирован по содержанию заявления Булач Т. О. от 25 июня 1954 г. (см.).

Тогда же — 1936 г. (я проездом из санатория заехала за дочерью к матери в аул) была вызвана в Дагестанский НКВД, где шло следствие, где была установлена моя причастность к троцкизму.

По возвращению в Москву я обратилась в свою парторганизацию и КПК при ЦК ВКП(б), где в присутствии ряда товарищей и секретарей парторганизаций, с которыми состояла в 1923-35 гг. в партколлегии под председательством Шкирятова⁵³, была установлена моя непричастность к троцкизму.

На заседании Ревтрибунала в 1940 г., присоединенная к Буйнакской группе, используя их свидетелей (Ата-Салатау, Н.Магомедова, бывшего секретаря Буйнакского РК ВКП(б) Омарова⁵⁴ и др., фамилии которых не помню), я доказала мою непричастность к Буйнакским работникам, с которыми никогда не работала, и мою непричастность к троцкизму (хотя и до судебного процесса с меня был снят пункт 10).

Мое дело Ревтрибуналом было выделено из Буйнакской группы и передано на новое следствие.

На очной ставке бывший секретарь Буйнакского РК Хавриенко пытался меня приобщить к Буйнакской группе, но после ряда моих вопросов и припертый, ни в чем членораздельно обвинить меня не мог.

Ни в 1923 г., ни в моменты выкорчевывания троцкизма нигде, никогда Хавриенко не подымал вопроса о каком-либо троцкистском моем выступлении на партсобрании. В 1923 г. Хавриенко был членом Дагестанского обкома партии, достаточно грамотный секретарь РК, знал меня хорошо, знал прекрасно, в какой парторганизации я состояла и ждал вызова в Дагестанский НКВД в 1940 г., чтобы на очной ставке все свести к детскому лепету.

Что касается протокола 1923 г. партчистки, который искажен, исковеркан, перепутан, что очевидно доказывает, что я никогда не могла бы клеветать на своего брата, который был лучшим другом У.Буйнакского⁵⁵, которого глубоко уважал.

Враг и авантюрист Самурский, с которым с 1920 г. боролась (имеется в НКВД СССР мое заявление с фактами, документами) на все шел, чтобы дискредитировать меня, но была партийная организация и партийная совесть, чтобы отрезать его щупальцы.

И 16 лет состояла в Московской парторганизации, я выросла и окрепла, как большевик и работник, вызывая злобу приспешников Самурского, которые единственно не давали мне работать в Дагестане.

Что касается моих биографических данных — 6-ти месяцев потеряла отца. Отец из Н.Дженгутая (выходцы из аула Чох Гунибского района). Отец движимого и недвижимого имущества не имел, мать из Нижнего Казанища Буйнакского района, имела саманный дом по Дахадаевской улице и, переезжая в Махачкалу к брату 1931-32 гг. (точно не помню) продала за 2000 рублей извозчику Н.-Дженгутаевскому. Все это легко проверить. Я только должна сказать, что я не происхожу из кулаков. Из-за небеспечности семьи 13 лет начала зарабатывать на жизнь, была репетитором, работала в Буйнакском агрономическом пункте. Подготовленная моим женихом У.Буйнакским первой девушкой-горячкой пришла в партию, 20 лет не покладая рук работала с единственным желанием приносить пользу своей стране, стараясь расти, учиться, обогащая

свою память знаниями тех богатств, которые выработало человечество, чтобы быть коммунистом.

Подлинное заявление хранится в личном архиве старшего научного сотрудника ИИАЭ ДНЦ РАН М.С.Гаджиева. Заявление написано на оборотной, чистой стороне 4-х использованных хозяйственных бланков Карагандинского лагеря НКВД фиолетовыми чернилами. На 1-й странице сбоку приписка "СНОР" — состоял нелегальной организации. Концовка заявления отсутствует.

№ 10

Заявление Юсуфа Нажмутдиновича Шовкринского
Народному Комиссару Госбезопасности СССР В.Н.Меркулову,
осужденного на 8 лет ИТЛ Печорского лагеря НКВД.

№ 12126
Секретариата Особого
Совещания НКВД
19.08.1941 г.

28 апреля 1941 г.

Постановлением Особого совещания НКВД от 3 июня 1940 г. я за участие, якобы, в буржуазно-националистической организации заключен в ИТЛ сроком на 8 лет.

Это постановление явилось результатом того, что Особое совещание было введено в заблуждение ложным и клеветническим материалом, искусственно созданным на меня следователем Тамфиловым.

Я арестован в феврале 1937 г. бывшим Наркомвнуделом Дагестанской АССР Ломоносовым, разоблаченным в конце 1938 г. как заговорщик и злейший враг народа. После ареста в течение всего 1937 г. меня обвиняли в связях с Лакской троцкистской группой, существовавшей, якобы, в 1927-29 гг. (моим следователем тогда был Страхов, осужденный в 1939 г. Военным Трибуналом за троцкизм к 15 годам лишения свободы).

В январе 1940 г. в г.Махачкале состоялся судебный процесс упомянутой троцкистско-националистической группы и Трибунал Северо-Кавказского Военного округа полностью оправдал всех обвиняемых, установив, что никогда такой группы не существовало. Это доказывает, что я был арестован ни за что⁵⁶.

В течение 1938 г., отчасти и в 1937 г. заговорщик Ломоносов, троцкист Страхов, бывший начальник 4-го отдела Дагестанского НКВД, белогвардеец Комфорин применяли ко мне жестокие репрессии и принудили подписать чудовищно ложные показания. Однако, ввиду их очевидной неправдоподобности Военный Трибунал в октябре 1939 г. вернул мое дело обратно в Дагестанский НКВД на новое следствие. Новое следствие проводил Тамфилов, немало при-

ложивший и свою руку к Ломоносовским делам, который предъявил мне обвинения, не фигурировавшие даже 1937-38 годах, а именно:

1. Участие в буржуазно-националистической организации.
2. Связь с Томским⁵⁷.
3. Связь с Лелевичем.
4. Предательство и мародерство.

Все эти обвинения ни на чем не обоснованы и не имеют под собой никакой почвы.

Первое. В 1937-38 гг. Ломоносов и его подручные добились у ряда заключенных-подсудимых клеветнические показания на меня о том, что им известно или они слышали о моей, якобы, "причастности к буржуазно-националистической организации". Все эти "свидетели" во время нового следствия полностью отказались от своих клеветнических показаний на меня, и протоколы их допросов, подтверждающих это, имеются в моем деле.

Таким образом, это обвинение, не подтвержденное никакими фактами, потеряло всякую почву. Больше того, с 1928 года я вел самую непримиримую борьбу с националистами и национальными уклонами в Дагестане. Доказательством этому служит целый ряд моих статей против националистов, опубликованные в газете "Дагестанская правда" еще 1932 году, неприобщенные Тамфиловым к моему делу несмотря на мои неоднократные ходатайства: доказательством служит моя борьба на посту заведующего Культпропом Дагобкома против националистов и пантюристов в школьном строительстве, в области языка и литературы, искусства и истории, что достаточно подтверждено показаниями свидетелей: Алиев Музафар, Мурадов Татам, Гусейнов Абуин, Мадиев⁵⁸, Сеид-Гусейнов Асад, имеющиеся в моем деле.

Второе. Должен со всей чистосердечностью и категорически еще раз заявить, что ни в каких связях с Томским я никогда не состоял.

В 1934 году Томский, как заведующий ОГИЗ, приезжал в Дагестан в отпуск на охоту. Работая тогда заведующим Культпропом Дагобкома и имея некоторое соприкосновение с ним по издательской части, я вместе с другими лицами встречал его на вокзале и был с ним один раз на охоте.

В 1935 году, будучи Дагобкомом командирован в Москву для разрешения вопросов издания учебников, снабжения Дагестана литературой, я обратился в ОГИЗ к Томскому, с которым разговаривал об этом в его кабинете 10-15 минут, причем получил отказ.

Утверждаю, что никаких других разговоров или встреч с Томским я больше не имел.

Не мог же я тогда предвидеть, кем окажется впоследствии этот заклятый враг советского народа.

Третье. Лелевич работал в Дагестане в 1933-34 гг. заместителем председателя Дагсоюза Советских писателей, преподавателем вузов и научным работником. Он являлся членом партии и был прислан в Дагестан из Центра. Я, как заведующий Культпропом, соприкасался с ним по работе в служебное время. Никаких, даже ложных данных о моих связях с ним как с троцкистом, кроме голого обвинения в моем деле нет и быть не могут, так как их нет вообще и не было. Имеющиеся в деле показания Мамедбекова в трех словах

"Шовкринский был связан с Лелевич" — являются беспочвенными. Я просил Тамфилова дать с ним очную ставку, но он мне отказал.

Четвертое. Предательство и мародерство. В 1930 году в горах Дагестана имело место вооруженное выступление, организованное кулацко-мульскими элементами. Обком партии послал меня уполномоченным для проведения массово-политической работы. Это поручение партии я выполнял честно, как подобает большевику. Моя работа была одобрена в обкоме. Повстанческое движение было ликвидировано за несколько дней без единой, подчеркиваю, жертвы, без каких бы то ни было разрушений или затрат и восстановлен советский порядок. Спустя 10 лет с тех пор и 3 года после моего ареста, а именно: в 1940 году Тамфилов предъявил мне неслыханное, гнуснейшее обвинение в предательстве и мародерстве, основанное на клевете Моллачиева и Мусалаева. Они оклеветали меня, показав, что я "был командиром партизанского отряда", что по моему приказу был, якобы, "сожжен аул, чуть не предал отряд, мародерствовал и толкал на это партизан". Небылицы, ложь!! Никаким командиром партизанского отряда в 1930 г. я не был, никакой аул сожжен не был, а имевшие место отдельные случаи мародерства со стороны отдельных партизан их командование пресекало. Эта клевета опровергнута полностью правдивым показанием бывшего тогда начальником упомянутого партизанского отряда Махмуда Эфенди, имеющиеся в моем деле. К тому же неизвестно, в чем заключается мое предательство. Вот те обвинения, которые были выдуманы в 1940 году Ломоносовым, Тамфиловым, когда из обвинений, предъявленных мне в 1937-38 гг., ничего не вышло.

Я происхожу из семьи горца, бедняка-сапожника. Отец, брат, сам я неоднократно подвергались арестам и др. репрессиям со стороны горской контрреволюции, турок и белых в 1918-19 гг. за большевизм.

16 лет от роду, в 1918 г. я сражался с белыми в рядах Астраханского отряда Красной гвардии, в 1919-20 гг. в рядах Красных партизан.

С 1919 года состоял в партии и с тех пор до дня ареста в 1937 году работал честно и преданно, без малейших каких бы то не было колебаний. Будучи на учебе в Москве в 1924-28 гг, на практической работе в Дагестане в 1928-36 гг. я принимал самое горячее участие в борьбе партии по разгрому троцкистов, правых и националистов.

Благодаря заботам партии и правительства, я, бывший сапожник, получил высшее образование, которое мне и подобным мне горцам-беднякам при ином строе и не снилось бы.

Мой арест является коварным злодеянием заговорщиков, пробравшихся тогда в руководство Дагестанского НКВД, а осуждение — ошибкой, возникшей вследствие того, что Особое совещание было введено в заблуждение ложными материалами, о чем я писал несколько жалоб на имя Берия

Прошу Вас предложить Особому Совещанию пересмотреть мое дело или освободит меня, сняв позорное, ничем, никаким поступком моим мною не заслуженное пятно врага советского народа, или передать дело на новое следствие для тщательной проверки предъявленных мне обвинений.

Ю.Шовкринский.

Результаты этого заявления прошу сообщить по адресу:
Коми АССР, почтовое отделение Кожва, 10-е отделение
Печорлагеря. Финчасть — мне.

Ю.Шовкринский.

28.IV.1941 г.

Оригинал документа хранится в личном архиве ведущего научного сотрудника ИИАЭ ДНЦ РАН М.Д.Бутаева, которому передал покойный сын Ю.Шовкринского Магомед Шовкринский.

№ 11

Письмо к матери бывшего зав. промышленно-транспортным отделом Дагобкома ВКП(б) Асада Сеид-Гусейнова из лагеря НКВД КОМИ АССР.

5 мая 1941 г.

Дорогая мама!

Сегодня получил письмо твое, написанное 24 марта. Это второе письмо, причем между первым и вторым прошло ровно 4 месяца. Нельзя сказать, что вы мне писали часто. Очень рад тому, что у вас все благополучно — это несколько успокаивает. Жаль, что Дима такой скандалист. Скажи ему, что он должен быть дисциплинированным учеником. В условиях социализма соблюдение дисциплины является одним из важнейших общественных правил. Вовку поздравляю с новым именем — выбрал удачно. Только он должен понять, что это имя накладывает на него большие обязанности. Он должен оправдать его своей хорошей учебой и примерным поведением и быть достойным носить имя великого Ильича. Очень рад также за Ларису и Светлану, что они здоровы и жизнерадостны. Скажи им всем, что скоро, может быть, я буду с вами и они получат обещанные подарки. Почему ты в письме ничего не пишешь про Сагида, как его учеба и что у него получается?

Что касается меня, я живу по-прежнему. Я уже писал тебе о том, что мы передвинулись еще больше на Север, стройка движется вперед, а вместе с ней и мы. Работаю страшим экономистом контрольно-планового отдела правления строительства (Южный район). Откровенно говоря, работаю много, больше того, что обычно положено. Когда работу необходимо выполнить, я не считаюсь со временем и работаю сколько нужно (иногда устаю, но мое начальство представляет возможность отдохнуть). Руководство ко мне относится неплохо, ценит мою работу.

Излишне тебе писать о том, что независимо от того специфического положения, в котором я нахожусь, я был и остался большевиком, преданным сыном своей Ленинско-Сталинской партии и, находясь на определенном участке социалистического строительства (безразлично в качестве кого), у меня к своей работе не может быть иного отношения, кроме как большевистского.

Этим собственно и объясняется такое отношение руководства. В процессе работы я совершенно забываю о своем положении, целиком бываю увлечен работой, отдаю ей со всей энергией; работа моя меня интересует, для меня ясны ее значение в деле социалистического строительства и ее необходимость. Эта стройка имеет большое экономическое значение (по этой дороге пойдет нефть, уголь, лес и др. с Севера, которые послужат для повышения темпов строительства коммунизма в нашей стране) и является вообще важным объектом.

Излишне поэтому писать тебе о том, что я отношусь к работе добросовестно, отдаю работе все силы и способности. Это само собой разумеется. Я, помимо этого, стараюсь и других втягивать в работу, вовлекать и учить работе тех, кто подает надежды.

Нередко мне приходится слышать от окружающих лиц просьбы о разъяснении того или иного вопроса. Пожив со мной некоторое время, многие убеждаются в том, что я здесь нахожусь незаслуженно. По моим взглядам, высказываниям, поведению, отношению к работе — они видят, что имеют дело с честным человеком, действительным патриотом нашей Родины, попавшим сюда по недоразумению. Хочу, кстати, тебе сообщить забавную деталь: взрослые люди при обращении ко мне обычно употребляют выражения "отец", "папаша", "пахан". Видимо, моя длинная борода и седая голова предрасполагают к этому.

Ты не думай, что я сижу и терзаюсь оттого, что я оказался в таких условиях. Этого нет. Я стараюсь отнестись к своему положению спокойно, хладнокровно, смотреть на это больше теоретически, отвлеченно. Для меня совершенно ясно, что та огромная очистительная работа, которую провела наша партия в 1936-38 гг. была совершенно необходима, ибо нужно было полностью очиститься от право-троцкистской и буржуазно-националистической нечисти, от всего такого, сомнительного, нечестного, чтобы тем самым укрепить партию и повысить боеспособность. Ясно, далее, что эта большая и сложная (по своей специфичности) работа могла сопровождаться теми или иными перегибами, извращениями, тем более что имели место случаи, когда проводниками этих мероприятий оказывались порой нечестные, недобросовестные люди или даже лица, враждебные партии.

Тот факт, что я оказался одним из тех, кто подвергся действию этих извращений, является частным вопросом. Но наличие подобных фактов вовсе не умаляет значения проведенного очищения партии от враждебных ей элементов. Эти факты должны рассматриваться отдельно и получать соответствующее разрешение. Что же касается тех лиц, которые допускали эти извращения, то их надо делить на две категории: одни допускали их сознательно, будучи скрытыми врагами партии, старавшимися это чрезвычайно важное мероприятие обратить против нее же самой, путем истребления честных большевистских кадров под видом ее очищения, другие допускали их по своей неопытности в силу сложности этого мероприятия, попадая под влияние всяческих хитросплетений со стороны первых. Первые уже получили по заслугам и крепко поплатились за свои вражеские дела. Вопрос на счет вторых решался, очевидно, в зависимости от того, насколько они осознали свои ошибки и насколько искренне отнеслись к их исправлению.

* Из содержания письма видно, что оно прошло цензуру НКВД.
** Видимо, здесь речь идет о детях брата Амужат

Что же касается вопроса лично моего, то тут дело обстоит следующим образом: во-первых, я являюсь убежденным коммунистом, честным большевиком, никогда не допускавшим никаких непартийных поступков ни на работе, ни в быту; во-вторых, я оказался совершенно незаслуженно в этом положении (нелепом, несуразном), в котором я нахожусь, в-третьих, ни партия, ни Советская власть не могли желать или допускать, чтобы с таким человеком, как я, поступили так; в-четвертых, в том, что я оказался в этом положении повинны, стало быть, не те или иные учреждения Советского государства, а только отдельные лица; в-пятых, эти отдельные лица субъективно могли быть людьми честными, стремившимися ко благу для партии и страны, но тем не менее они допустили ошибку в части, касающейся меня.

Вот как обстоит дело с этим вопросом.

Мое положение, конечно, неприятное, тяжелое. Тем не менее я не строю из этого какую-то трагедию. С одной стороны, тут имеет место момент, своего рода, обогащения опыта (нет худа без добра). С другой стороны (и это главное), я работаю, как если бы был направлен на работу на Крайний Север партией. Необходимость и полезность моей работы для дела коммунизма облегчает мое положение. Должен также отметить тактичность моих непосредственных руководителей по отношению ко мне.

Все же с огромным нетерпением жду разрешения своего вопроса. И пора, пожалуй, этому разрешиться. Прошло достаточно времени, чтобы исчерпывающим образом разобраться.

Я здоров, самочувствие неплохое. Посылки и деньги посылать мне не старайтесь. Нет в них особой нужды.

Получение этого письма подтверди телеграммой. Желаю вам всего лучшего. Передай привет от меня всем родным. Крепко жму руку.

Ваш Асад.

Мой адрес: Коми АССР. Почтовое отделение КОЖВА, почтовый ящик №274/Ю. Штаб южного района.

ЦГА РД. Ф.1-п. Оп.80. Д.6029. Л.78-80. Копия.

№ 12

Письмо Астемирова Багаутдина Аджиевича своему сыну Аджаку из тюремного лазарета г.Саратова.

1944 г.

Здравствуй, любимый мой сын!

Я это письмо, в котором старался сформулировать несколько отцовских советов и пожеланий, хотел приурочить еще к твоему дню рождения, но это, к сожалению, не удалось. Не знаю, удастся ли сейчас, но я хочу восполнить этот пробел, приурочить это к получению тобой, впервые в жизни, паспорта.

* Число и месяц отсутствуют.

Помни, сын мой, что советский паспорт является путевкой в сознательную жизнь. А жизнь — это борьба, многогранная и сложная. А в борьбе побеждает тот, кто умеет организовать ее. Народная мудрость гласит, человек — кузнец своего счастья. Помни, организатором победы в своей жизни должен быть ты сам.

Чтобы быть хорошим организатором, кроме личных качеств нужен кругозор, опыт прошлого и настоящего — всей научной и народной мудрости, как зафиксированной, так и устной, фольклорной. Надо терпеливо и внимательно изучать всю человеческую культуру, а в широком смысле слова, используя для этого историю, художественную литературу, все то ценное, что создано человечеством.

Относись к жизни честно. Это, с моей точки зрения, в личной жизни — не совершать по отношению к другому то, что ты не хотел бы, чтобы совершил по отношению к тебе другой индивидуум. В общественной жизни — ставить общественные интересы выше личных.

Итак, надо быть честным как в личной, так и в общественной жизни.

Для осуществления всего этого нужно крепкое здоровье. Помни, что в здоровом теле — здоровый дух, чего от всей отцовской души тебе желаю. Береги свое здоровье. Не запускай каких-либо пороков и прими все меры к тому, чтобы жизнь была здоровой. Помни, здоровье одновременно является началом и продолжением здорового потомства, а это не только является самым важным условием для личной счастливой жизни, но одновременно является большим общественным делом человека. Здоровье — это прежде всего не только способность к умственному труду, но и к любому физическому труду. Закаляй себя и физическим трудом, не брезгуя никакой работой. Овладевай, кроме специальности, каким-либо ремеслом в зависимости от твоих способностей, навыков и любви. Это очень важно, сын мой.

Вот в общих чертах то, что я хотел посоветовать как любящий отец, чтобы ты придерживался их в своей сознательной жизни, в которую ты вступаешь, получив паспорт.

Если мои советы приемлемы для тебя, береги это письмо и придерживайся их.

Вчера получил письмо с фотографией Фариды... Теперь ваши фотокарточки висят на моей исхудалой груди в специальном футляре, сделанном мной. Я каждое утро смотрю на вас, и мне становится легче жить, ибо глядя на вас, я убеждаюсь в том, что я счастлив, несмотря на всю несправедливость, в которой я нахожусь вот уже 7 лет.

...Пишите почаще, ибо единственное мое удовольствие в жизни — ваши письма. Пишу, но не знаю, все ли письма доходят.

Привет всем родным и друзьям.

Ваш папа.

г.Саратов. Ворошиловский район, п/о Богаевка, лазарет №2, 4-е отделение. 1944 г.

Подлинник письма хранится в семье дочери Фариды Багаутдиновны Астемировой. Опубликовано: Багаутдин Астемиров (Дагестан: время и судьбы). — Махачкала, 1989. — С.20-22.

Заявление Гаджиева Гадиса Абдуллаевича, члена партии с 1918 г., проживающего в г. Махачкала, ул. Октябрьская, 37 в адрес Оргбюро ЦК ВКП(б) с просьбой об отмене решения бюро Махачкалинского горкома и Дагестанского обкома ВКП(б) о его исключении из партии.

13 сентября 1948 г.

Я отправил много заявлений на имя КПК при ЦК и ЦК ВКП(б) с просьбой об отмене решения Махачкалинского горкома ВКП(б) от 14 июня 1940 г. и обкома ВКП(б) от 8 октября 1940 г., поддержанные решением Партколлегии КПК при ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1943 г. за №246/48, так как эти решения основаны на явном недоразумении и по существу крайне несправедливы, суровы. Вступил в ряды ВКП(б) летом 1918 г. в огне революционной борьбы, как активный участник революционной борьбы и гражданской войны в Дагестане. Я никогда не знал за собой никакого уклона от генеральной линии нашей партии и, как безусловно преданный, всегда стойко проводил генеральную линию, борясь со всеми теми, которые у партийного и советского руководства в Дагестане искривляли эту линию. Я боролся с ними открыто, выступал на облпартконференциях, Вседагестанских съездах, пленумах обкома и Махачкалинского горкома ВКП(б) и на партактивах.

За это не раз подвергался преследованию и гонению со стороны хозяйничавших здесь националистов во главе с секретарем Дагобкома. По их указке за выступление на пленуме Махачкалинского горкома ВКП(б) от 11-15 марта 1937 г. и за обращение в июне того же года в ЦК ВКП(б) к товарищу Сталину, в КПК при ЦК тов. Шкирятову об их антипартийных деяниях, я был задержан с 1 июля 1937 г. по 29 января 1940 г.

После моего задержания, спустя тринадцать месяцев, 8 августа 1938 г. за №8 бюро Махачкалинского горкома ВКП(б) заочно оформило мое исключение по неизвестному мне мотиву, не дождавшись окончательного результата задержания.

Освобожденный органами НКВД 29 января 1940 г. в связи с прекращением дела, вследствие того, что не было за мной установлено абсолютно никакой вины, я обратился в бюро Махачкалинского горкома ВКП(б) с просьбой о моем восстановлении и об исправлении допущенной им ошибки оформлением моего исключения.

Бюро Махачкалинского горкома ВКП(б), вместо товарищеской заботы как к члену партии, индивидуального подхода, тщательной проверки моей безупречной преданности партии, отказало мне в восстановлении и вдобавок приписало не соответствующее действительности обвинение, как подписавшего контрреволюционный буржуазно-националистический документ 43-х, отправший при тщательной проверке органами НКВД. Напротив, я выступал против буржуазного национализма, что подтверждается стенограммой моего

выступления 11-15 марта 1937 г., которая находится в Махачкалинском горкоме ВКП(б) и Партколлегии Дагобкома ВКП(б).

В Дагестане все знают и фактически можно установить по архивным документам и путем опроса членов партии, как я всегда боролся за генеральную линию партии против всяких уклонов и особенно против буржуазного национализма. И, как старый большевик, член партии с 1918 г., терпеливо добивался справедливого, правильного партийного разбора вопроса о моем восстановлении. Поэтому, зная себя ни в чем не повинным перед партией стойким, безупречным, преданным, постоянным борцом за генеральную линию партии, но пострадавшего по недоразумению из-за бездушного отношения как к члену партии, убедительно, настойчиво прошу ЦК ВКП(б) поручить Партколлегии КПК при ЦК ВКП(б) пересмотреть свое решение от 7 апреля 1943 г. за №246/48 и в порядке контроля тщательно проверить на месте мою безупречную преданность партии и неправильность приписанного обвинения по архивным документам и путем опроса знавших меня членов партии, дать этому делу правильное решение, вызвать меня на беседу в Москву и после этого только по существу разобрать мою апелляцию в моем присутствии.

Надеюсь, что ЦК ВКП(б) и КПК при ЦК не оставит мою просьбу без внимания и справедливого, правильного разбора моего партийного вопроса.

Убедительно прошу поставить меня в известность о разборе моего данного заявления.

Подпись: Гадис Гаджиев

Подписанный автором 2-й экз. данного заявления находится у сына Гадиса Гаджиева Владлена Гадисовича Гаджиева, ныне профессора, зав. отделом ИИАЭ ДНЦ РАН

№ 14.

Жалоба (в порядке надзора) вторично осужденной ссыльно-поселенки Булач Тату Омаровны Генеральному прокурору СССР, прож., гор. Енисейск Красноярского края, ул. Баграда, дом 57.

25 июня 1954 г.

В 1937 году, 8 октября я была арестована органами НКВД в гор. Москве. В 1940 г., 18 сентября, по постановлению ОСО при НКВД СССР была осуждена по статье: "СНОР", т.е. "Соучастие в нелегальной организации".

Я считаю это постановление неправильным.

Я родилась в 1902 г., 10 января в Дагестане, сел. Каякент Каякентского района, происхожу из горцев-крестьян, выходцев из селения Чох Гунибского района ДАССР.

Отец мой, как сын военнослужащего, погибшего в русско-турецкую кампанию, был воспитан в пансионе Темир-Хан-Шуринского реального училища, был поручиком пехотного Апшеронского полка, умер в 1902 году, когда мне было 6 месяцев. Движимого и недвижимого имущества не имел.

* См. примечание №45. Указанный документ автор заявления подписал под №7.

Мать — крестьянка, сирота, воспитанная своей теткой из середняков сел. Нижнее Казанище Буйнакского района, умерла в 1938 году.

Имею брата, профессора Дагестанского медицинского института.

Остальные родные: дядя, двоюродные сестры, племянницы и т.д. были середняками-бедняками, а с первых дней организации колхоза — членами колхоза.

Муж мой, Магомедов Абдурагим, член ВКП(б) с 1919 г., бывший красный партизан, начальник Буйнакского РО милиции, убит бандитом в 1923 г. в августе месяце.

Имела усыновленного племянника-сироту и дочь, которые погибли в 1942-45 гг.

В 1915 г. в нашей семье собиралась революционная молодежь, — студенты-товарищи моего брата: Ул. Буйнакский, Г. Саидов⁵⁹, С. С. Казбеков⁶⁰, З. Батырмурзаев⁶¹, вращаясь в их кругу, я воспринимала революционные идеи.

Из-за необеспеченности семьи с 13 лет я начала работать, была репетитором, статистиком в агрономическом пункте, народной учительницей в гор. Темир-Хан-Шуре, ныне г. Буйнакске.

В 1917-18 гг. окончила женскую гимназию.

В 1917 г. под руководством У. Буйнакского организовала Союз молодежи, который в 1920 году стал коммунистическим.

В 1918 году, в марте месяце, подготовленная своим женихом У. Буйнакским, 16-ти лет, первой девушкой-горяжкой пришла в партию большевиков.

В 1918-19 гг. работала подпольно, выполняя поручения подпольного Комитета большевиков.

В 1920-21 гг. работала на руководящей комсомольской работе: предобкома, отв. секретарем Агитпропотдела.

В 1921-22 гг., отозванная Дагобкомом РКП(б) на партийную работу, работала зав. Агитпропотделом Хасавюртовского, Махачкалинского РК РКП(б), была секретарем, членом выездной сессии Ревтрибунала Дагестана по борьбе с бандитизмом в Хасавюртовском районе.

В 1922-27 гг., командированная Дагобкомом ВКП(б) на учебу в Москву, училась и окончила Институт Народного Хозяйства.

В 1928 году, как проходившая по направлению ЦК ВКП(б) практику-стажерство в Госторге РСФСР и Наркомвнешторге СССР, командирована для работы в Торгпредство СССР в Турцию г. Стамбул. Работала младшим экономистом, секретарем отдела и по моей личной просьбе к начальнику отдела Востока НКВТ СССР Гродзянскому, отозвана в конце 1928 г. и по возвращении в Москву, направлена для специализации по товарам Разноэкспорт.

В 1929 г. вновь назначенный секретарем Дагобкома ВКП(б) Муравьев⁶² поставил вопрос о дагестанцах, работающих в Москве, для направления их для работы в Дагестан в мае или июне месяце. Орготделом ЦК ВКП(б) направлена на работу зам. управляющего отделением Госторга РСФСР в Дагестане.

После реорганизации Госторга РСФСР и передачи его функций местным хозорганизациям, переехала в Москву в распоряжение ЦК ВКП(б).

В 1930-31 гг. направлена по организации отраслевых вузов зам. директора по хозяйственной части Института инженеров водного хозяйства.

По окончании организационного периода, как кадр НКВТ СССР в 1932 г. была направлена инспектором Московской таможни. Вскоре была выдвинута начальником отдела и после слияния 2-х отделов, по моей личной просьбе в ЦК ВКП(б), направлена на учебу в Институт подготовки Красной профессуры.

1933 г. была мобилизована ЦК ВКП(б) начальником Политотдела, но по решению врачебной Комиссии направлена в туберкулезный санаторий. ЦК ВКП(б) в 1934-35 гг. направлена на работу в качестве директора Высших Педагогических курсов национальной стенографии при Совете национальностей ЦИК СССР.

После окончания и ликвидации курсов в 1935-36 гг. направлена в Академию Наркомпищепрома СССР им. Сталина, зам. директора заочного отделения. Затем выдвинута директором вечерней Академии.

Ввиду создавшихся ненормальных взаимоотношений с директором Академии Нанейшвили⁶³, вынуждена была поставить вопрос перед Наркомпищепромом СССР, которым и была отозвана.

В 1937 г. в июне месяце направлена на работу в качестве начальника отдела учебными заведениями Наркомпищепрома РСФСР.

В 1937 г. 8 октября, не имея никаких выговоров, не будучи исключенной из партии, неожиданно была арестована органами НКВД, этапирована в г. Махачкала, несмотря на то, что почти 16 лет училась, работала и жила вне Дагестана.

За 20 лет пребывания в рядах Коммунистической партии не имела ни одного выговора, никаких уклонов от Генеральной линии партии.

16 лет, состоя в рядах Московской партийной организации, выросла и окрепла, как большевик и работник.

Что я могла иметь общее с контрреволюцией.

16-ти лет я первой девушкой-горяжкой пришла в партию, 20 лет гордо нося звание коммуниста, с оружием в руках боролась за Советскую власть, вскормленная и воспитанная Родиной и Партией, что могло толкнуть меня на предательство Родины и Партии.

Нет, этого не было и не могло быть никогда.

В 1936 г., в августе месяце, когда я проездом из санатория заехала к своей матери в Дагестан за дочерью-школьницей, была вызвана к Наркому НКВД ДАССР Ломоносову, как впоследствии узнала, по поводу появившейся в газете "Дагестанская правда" заметки, что: "В свое время в гор. Буйнакске существовала троцкистская группа в составе: Темирбеков⁶⁴, Карагишиев⁶⁵, Арсланбеков⁶⁶ и Татуш Булат" — мое имя и фамилия были искажены.

При выяснении правильности этой заметки было установлено, что заметка, подписанная буками А. Г., относится к 1923 году, о постановлении ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1923 года⁶⁷, обсужденной в партийной организации района, где присутствовала и я, которая, болея грудницей и имея грудного ребенка, приехала к своей матери во время зимних каникул в гор. Буйнакск. На этом партийном собрании в декабре 1923 г. никаких выступлений о Троцком и троцкизме не было.

На следующий день, после вызова в НКВД ДАССР, достав несколько экземпляров с этой заметкой, я написала письма: секретарю парткома Академии

Демидову, директору Академии Нанейшвили о причинах моей задержки в г. Махачкала, вложила в оба письма по газете с заметкой.

Добываясь в течение 10 дней по телефону вторичного приема у Наркома Ломоносова, я заявила, что вынуждена выехать на место работы, а имеющиеся материалы на меня могут выслать в Москву. Я была вызвана и с меня была взята подписка о невыезде. Возмущенная этим, я сейчас же написала заявление секретарю ЦК ВКП(б) и Наркому НКВД СССР Н.Ежову⁶⁸ и письмо секретарю Северо-Кавказского Крайкома ВКП(б) Е.Евдокимову⁶⁹, изложив все, вложив газету с заметкой и прося их вмешательства.

Мою непричастность к троцкизму была установлена следствием в г. Махачкала, причем я узнала, что это туманно-сформулированная, грязно-клеветническая заметка была сфабрикована под руководством секретаря Дагобкома ВКП(б) Н.Самурского.

Как объяснил мне Культпроп Дагобкома Ю.Шовкринский, что Н.Самурский этой шумихой вокруг заметки о троцкистской группе хочет прикрыть свою вражескую физиономию, свои право-левацкие уклоны, что по этому вопросу были постановления бюро Махачкалинского РК ВКП(б) и Партактива г.Махачкалы, напечатанные в газете "Дагестанская правда" и его статьи (Шовкринского) по этому вопросу в 1927-28 гг., что Саид Габиев старался в 1921-22 гг. разоблачить Н.Самурского, как агента Иркутской охранки⁷⁰ и т.д. "Самурский не один, ни мне и никому другому пока не удается справиться с Самурским, так как он "головоногий" человек. Многие арестованы, а другие висят на ниточке".

Приехав в Москву в сентябре 1936 года и явившись на работу, я узнала, что "уволена с работы, как неявившаяся в срок после отпуска". Ни партком Академии, ни Дзержинский РК ВКП(б) не бли поставлены в известность директором Нанейшвили, что я уволена, и никак не могли добиться ни восстановления меня на работе, ни высылки материалов на меня из Дагобкома ВКП(б) и мои попытки устроиться на какую-либо работу не давали результатов. Тогда я обратилась в КПК ЦК ВКП(б) к тов. Шкирятову с заявлением и лично рассказала все, что произошло в Дагестане, показала заметку и то, что неправильно уволена с работы директором Академии Нанейшвили, и что никак не могу добиться ни восстановления на прежней работе, ни другой работы.

Тов. Шкирятов при мне же позвонил Нанейшвили и сказал, что Нанейшвили не прав и должен восстановить меня на работу. Затем вызвал следователя КПК т. Панина и предложил ему за своей (Шкирятова) подписью послать телеграмму на имя секретаря Дагобкома Самурского — выслать все имеющиеся материалы на меня. Мною т. Панину названы были секретари парткома Института, где я училась с 1922-27 гг. и последующих лет товарищи, которые меня знали с 1922-36 гг. И на заседании КПК под председательством т. Шкирятова не позднее 1937 г. февраля месяца, точно не помню, в присутствии вышеуказанных товарищей вторично была установлена не только мою непричастность к троцкизму, но и моя активная борьба с троцкистами, как в стенах Института, так и вне, об этом имеются материалы в КПК ЦК КПСС и об этом знает т. Панин.

По приезде в Москву я пошла в Государственную библиотеку им. Ленина, нашла газеты "Дагестанская правда" от 1924-29 гг. и просмотрев их выписала все, что разоблачало Самурского, как врага народа.

В газете "Дагестанская правда" за 1924 г. Самурский, будучи председателем ЦИК ДАССР, по его инициативе, через делегацию красных партизан отправил дагестанскую шашку с письмом Троцкому, чтобы он "разил этой шашкой врагов и, что красные партизаны при первом же его зове пойдут как один за ним"⁷¹.

В газетах, кажется, за 1928 г. нашла постановление бюро Махачкалинского РК ВКП(б) и партактива г. Махачкалы о право-левацких уклонах Самурского и статья Шовкринского по этому же вопросу.

Я написала Саиду Габиеву, чл. ВКП(б), живущему в гор. Тбилиси, который старался выявить вражескую физиономию Эфендиева-Самурского, как бывшего агента Иркутской охранки.

Саид Габиев сейчас же ответил мне и прислал фотокарточку, где Самурский был снят в кругу жандармских офицеров. Написав заявление на имя секретаря ЦК ВКП(б) и Наркома НКВД Н.Ежова в конце в 1936 г., приложив все материалы, я сдала в экспедицию НКВД СССР⁷².

Самурскому, продолжавшему быть в силе и знавшему безусловно, что я собираю против него материалы⁷³, удалось устроить, наконец, с помощью НКВД ДАССР Ломоносова, находившегося в полной спайке с Самурским и покрывавшего его, чтобы я была арестована.

К моменту моей отправки в Дагестан Самурский был арестован, но его друг — Ломоносов был арестован только лишь в конце 1939 г. или в начале 1940 г.⁷⁴

Будучи арестованной я, в Москве, провела 3 месяца во внутренней тюрьме и месяц в Бутырках.

Ожидая 2 месяца вызова, не зная причин ареста, я обратилась с заявлением к Наркому Ежову с просьбой его вмешательства. Вскоре была вызвана следователем, который предложил написать автобиографию. Я написала все, что в какой-либо степени может интересовать органы о своей революционной работе, характеризующей меня как большевика. Просматривая мою папку, отобранную при обыске, где были мои студенческие дневники за 1922-27 гг., увидя стихи, написанные по-турецки рукой моего товарища турецкого коммуниста — поэта Хикмет Назыма и узнав, что через Назым Хикмет, с которым была дружна с 1923-28 гг., знакома была турецкими коммунистами, которые учились в Москве в те годы, устроили мне очную ставку с Фахри, которого знала как коммуниста, видимо, арестованного, который мог только сказать, что хотел на мне жениться. Я бурно запротестовала, Фахри увели, а старший следователь форменно оплевал мне лицо и поставил на "стойку" и только приход начальника отделения спас от еще худшего. Мне не было предъявлено никакого обвинения, я подписала протокол об окончании следствия.

Уже перед этапом, в Бутырках, я была вызвана следователем, который прочитал протокол, якобы, подписанный Фахри, где говорилось, что я была знакома с турком, по имени Туфан, который был троцкистом. Я ответила, что такого студента КУТВа я знала, но как коммуниста, с которым познакомилась у Н.Хикмет, никогда не знала и не слыхала, чтобы он был троцкистом. Ответ мой полностью не был записан, хотя был записан в отрицающей мотивировке. Я была уверена, что буду освобождена, но в конце января 1937 г. была этапи-

рована в Махачкалу, несмотря на то, что почти 16 лет работала и жила вне Дагестана.

Перед этим начальник отделения НКВД СССР, кажется Дзива на мой вопрос о причинах ареста сказал, что еще в 1936 г. Дагестанский НКВД требовал моего ареста, но не было данных, а теперь, он сделал движение, которое я поняла впоследствии, умыл руки.

В гор. Махачкала я пробыла в тюрьмах 2 года 10 месяцев (главным образом во внутренней тюрьме) до конца ноября 1940 г.

По прибытии в Махачкала во внутреннюю тюрьму, без ввода в камеру, была вызвана в кабинет зам. наркома, куда вскоре вошел Ломоносов со словами: "Наконец-то удалось заполучить старого врага народа". "Я не враг народа, враги те, кто меня арестовали", сказала. "Я Вас арестовал", — сказал Ломоносов. Значит, "Вы враг", — ответила я.

Сейчас же я была передана следователю Глобову. Полтора месяца я была подвергнута "стойке" с небольшими перерывами, без сна, без бани, умывания, почти голодная, когда с опухшими ногами падала, опять подымали, приводя ко мне каких-то людей, которые говорили, что я их вербовала, принуждали меня, чтобы писала собственной рукой лживые показания на себя и других, я не писала. На грани сумашествия я вынуждена была подписать заявление на имя Наркома Ломоносова, сформулированное следователем Глобовым, что меня, якобы, вербовал в контрреволюционную организацию Коркмасов, которого знала как старого революционера, как члена правительства СССР, как члена партии, бывшего предСовнаркома ДАССР, работавшего в последние годы в гор. Москве. При этом Глобов объяснил, что Ломоносов не дает ему покоя, требуя, чтобы он заставил меня написать заявление, что вербовал именно Коркмасов, после чего Глобов оставит меня в покое, а с него "слезет" Ломоносов, а я так его "измучила", что его направляют на курорт.

Вместе с тем мне стало известно, кто именно является виновником моего ареста.

Больше своего следователя Глобова я не видела. Я была спущена в камеру. Не давая мне прийти в себя, меня беспрерывно вызывали разные следователи, спрашивая то об одном, то о другом дагестанском работнике. Я отвечала, что я их знала как членов партии, с ними не работала и почти 16 лет жила вне Дагестана.

Ломоносов, который руководил моим следствием через начальника отдела Комфорина и зама своего Коваленко и следователей думал, что "согнул" меня, но он ошибся.

Я была названа следователем Ищенко, который представился мне, что теперь он будет "работать со мной и сообщил, что ездил в Москву по моему делу, передал "привет от Дзива", что привез на меня материалы, но Ломоносов сказал, что они "пригодны только для уборной".

Опять принуждали, путем тяжелых морально-физических репрессий, чтобы я писала собственной рукой ложные показания против себя и других, бесконечным вождением меня то к начальнику отдела Комфорину, Слуда и зам. наркома Коваленко, угрожая, что арестует детей моих, что и привели в исполнение, что арестуют и мою мать, брата, но я все же не писала.

Устроили очные ставки: несколько раз с Хадис Гаджиевым, заставляя говорить, его, что я, якобы, "вербовала его в шпионы", то с Рабадан Нуровым, которого путем репрессий вынудили подписать, что я его, якобы, познакомила в переулке в Москве с каким-то консультантом Турецкого консульства. Я категорически отрицала это, говоря, что клеветца на меня, клеветец и на себя, так и подписала протокол очной ставки.

Мне была устроена очная ставка с Карагишиевым и Арсланбековым, что я все время просила, которые заявили, что они не были членами троцкистской группы, что никогда не были троцкистами. Я подтвердила, заявив, что и я не была никогда ни троцкистской, ни членом троцкистской группы.

Предъявили мне какие-то показания, написанные, якобы, разоблачающие меня. И, видимо, исчерпав все и вся и не добившись ничего от меня, в конце 1939 года я была вызвана Ищенко, который предъявил мне заключительное обвинение со словами, что "будет большой процесс", и что я обвиняюсь по статье 58 п.п. 1, 2, 6, 8, 10, 11. Я отказалась читать и подписывать.

Держа продолжительное время без передач, без покупок и курения не только меня, но из-за меня и остальных, находящихся со мной в камере, я была вызвана Ищенко, который предъявил мне протокол об окончании следствия без обвинения. Я попросила дать мне дело для ознакомления. Ищенко под разными предлогами хотел меня отвлечь от этого. Тогда я отказалась подписать протокол. Я была поставлена на "стойку". Применяя унизиительные методы воздействия, Ищенко выбил мне передний зуб, повредил связку под левым глазом и левое ухо. Мне было плохо. Вызванный врач, видимо, сказал, что мне нужен покой. 10 дней простояв на "стойке", я решила во чтобы то ни стало добиваться ознакомления с "таинственным" делом, с которым упорно следователь Ищенко не давал мне ознакомиться. Воспользовавшись отсутствием его и очередной передышкой, попросила дежурного, молодого человека бумаги и написала заявление на имя Ищенко, указав, что считаю политически неправильным, на что вынуждена объявить голодовку, пока не будут выполнены мои законные требования. Озлобленный Ищенко бросил передо мною дело, в котором я увидела справку НКВД ДАССР на основании чего я была арестована, в которой данные обо мне с начала до конца не соответствовали действительности, где было указано, что я член ВКП(б) с 1919 г., а я была чп. ВКП(б) с 1918 г., что до 1925 г. работала в Дагестане, а я в 1925 г. училась и жила в г.Москве, что в 1925-27 гг. училась в КУТВе, а я в 1922-27 гг. училась и окончила Московский Институт Народного Хозяйства им.Плеханова, что я была уволена с работы, как троцкистка — этого не было никогда и прочая ложь.

Я увидела показания какого-то Сурхаева⁷⁵, что он был у меня в Москве на вечеринке, устроенной, якобы, мною по случаю моего выхода замуж за турецкого консула. Показания Алиева⁷⁶ о том, что он, якобы, познакомил меня в Москве в переулке с консультантом турецкого консульства по имени Закаин-бей, имя которого не существует в природе, как и не существовал в природе и такой человек, имя исковеркано на тюрко-татском языке и походило на матерщину или означало за — "каин"-бей.

Я увидела в деле напечатанные на машинке, якобы, мои показания, на

каждом листке стояли мои инициалы Т.Б. Я спросила Ищенко, "чи эти показания?". "Ваши",- ответил Ищенко. "А кто поставил мои инициалы?". "Вы",- ответил Ищенко. У меня вырвано "мое дело". У меня хватило еще сил не только возмутиться, но и назвать фабриковку Ищенко соответствующими словами. Я была спущена в камеру.

В 2 часа ночи я была вызвана в кабинет следователя Ищенко, откуда меня он с другим следователем потащил вверх в кабинет к зам. наркома Коваленко, где меня заставили рассказать автобиографию, кто-то стоял за моей спиной, а мне не давали повернуться. Потом без слов те же два следователя потащили обратно в кабинет следователя Ищенко, свалив на пол подвергли унижительно тяжелой репрессии, с недопустимым видом оружия.

На следующий день зам. наркома Коваленко, которому я на его уговоры и разговоры сказала, что я не враг, Вы хотите сделать из меня врага, но Вам не удастся и что все это опять на следующую же ночь этими же следователями я была подвергнута еще более жестокой форме репрессии. В очень тяжелом бредовом состоянии, оставленная с каким-то человеком, который, наклонившись ко мне (я лежала на полу), уговорил меня подписать протокол окончания следствия и какую-то бумажку, видимо, заключительное обвинение. Я не снимала голодовку и через день была уведена надзирателями в камеру. Через несколько дней меня надзиратели повели в кабинет к начальнику тюрьмы, где присутствовал начальник Санчасти, доктор Бароян, которые начали уговаривать меня снять голодовку. Я категорически отказалась и сказала, что сниму в том случае, если получу 2 больших листа бумаги и карандаш в камеру и что они обязаны лечить меня.

Через 2 дня в камере из рук начальника тюрьмы я получила 2 больших листа бумаги и карандаш и сейчас же выпила сладкий чай (голодала официально две недели). Лежа на боку я написала обстоятельное заявление новому Наркому⁷⁷. Заявление было передано лично в руки начальнику тюрьмы, фамилию не помню, назначенному вместо начальника Демечки, в присутствии сидевших со мной в камере.

Через несколько месяцев я была вызвана к новому следователю, который сказал, что вызвана для "переквалификации" и в течение 2-х вызовов с меня были сняты п.п. 1, 2, 6, 8, 10 по статье 58-й, оставался пункт 11-й.

На 3-м вызове следователь предъявил заключительное обвинение со словами, что мое дело передается Северо-Кавказскому Ревтрибуналу.

Из обвинительного заключения я узнала, что присоединена к 4 руководящим работникам Буйнакского района: Устарханов Г.⁷⁸, Арсланбеков Х., Карагишиев М., Гашим-Заде⁷⁹, с которыми обвиняюсь якобы как член контрреволюционной организации.

На Трибунале, заседавшем несколько дней, выяснилась лживость обвинения, в частности, что с 4 названными товарищами я не работала и путем вопросов к свидетелям по их делу — Ата Салатау, Наби Магомедову (бывшие красные партизаны), бывшего секретаря Буйнакского РК ВКП(б) в 1936-37 гг. Магомеда Омарова⁸⁰ и еще 3-х свидетелей, фамилии которых не помню, которые на мои вопросы ответили, что никогда не слышали обо мне, как троцкисте и о моем троцкистском выступлении на партсобрании в гор. Буйнакске в 1923 г.

не слышали, знали как коммуниста, работающую на руководящей работе в гор. Москве и на партсобрании в 1923 г. не говорили о Троцком⁸¹. Магомед Омаров, секретарь РК ВКП(б) в 1936-37 гг. сказал, что из Дагобкома посылали в г. Буйнакск людей, которые искали чл ВКП(б), чтобы иметь материал о том, что я выступила на партсобрании о Троцком и т.д., но таковых не удалось найти.

Третий раз было мной доказано моя непричастность к троцкизму.

На Трибунале фигурировал "свидетель" Сухарев, которого никогда в жизни не знала и не видела и был он мной позорно разоблачен в гнусной клевете на меня, что председатель Трибунала должен был только напомнить о статье, привлекающей за клевету.

Я заявила Трибуналу, что в предъявленном обвинении виновной себя не признаю.

Трибунал нашел, что материала для судебного следствия нет и что мое дело будет выделено.

Я была вызвана новым следователем (фамилию не знаю), который заявил, что у него есть партдокументы, говорящие против меня. Когда же я спросила, какие же, он указал на протоколы партсобрания 1923 года и протокол чистки 1929 г. Я ответила — эти протоколы, которые были присланы Самурским в КПК ЦК ВКП(б), являются протоколами искаженными, исковерканными, умышленно или безграмотными техническими секретарями — они вообще не могут являться партдокументами и объяснила, что за партдокументами являются.

Я болела и сильно тогда переживала за своих детей. Дочь сидела наискось в камере с 58-й отъявленным рецидивом, а приемный сын в Москве сидел, о котором меня допрашивал следователь Магомедов или Магомаев⁸².

После нескольких вызовов, продолжавшихся несколько месяцев следствия, следователь предъявил мне те протоколы, которые он вел, для подписи протокол окончания следствия опять без указания обвинения, я задала следователю вопрос: "А в чем Вы меня обвиняете?" Он сказал: "Ни в чем". Я спросила: "Значит пойду на волю?" "Как решит начальство",- ответил следователь.

Я просила следователя приложить и мое заявление, написанное Наркому НКВД ДАССР и переданное через начальника тюрьмы, но следователем была предоставлена справка, якобы, из канцелярии НКВД, что это заявление не найдено.

Новый следователь устроил мне очную ставку с бывшим в 1923 году секретарем Буйнакского РК ВКП(б) Хавриенко, кажется, также находившегося в заключении⁸³.

Хавриенко показал, что в 1923 г. в г. Буйнакске была, якобы, троцкистская группа, к которой принадлежала и я. Я заявила, что это ложь и клевета, а если все это было правдой, то почему же Хавриенко, который был секретарем РК ВКП(б) в 1923 г. хорошо знал, что я училась в Московском Институте народного хозяйства, знал, что я состою в Московской парторганизации, ни тогда в 1923г., ни в годы выкорчевывания троцкизма из рядов партии, ни обкому ДК ВКП(б), ни МК ВКП(б), ни КПК ЦК ВКП(б) об этом не сообщил, а ждал вызова в 1940 году в Дагестанский НКВД, чтобы оклеветать не только меня, но и Буйнакскую парторганизацию, в которой в 1923 году состояли и присутствовали на

этом партсобрании старые большевики с дореволюционным стажем Е. Гоголев⁸⁴, Гончаров и другие, они-то никогда не молчали бы и сообщили бы, куда следует.

Я действительно в 1923 г. во время декретного отпуска 1-1, 1/2* месяца работала зав. Агитпропотделом Буйнакского РК ВКП(б) вместо уехавшего в отпуск товарища, в июне родила, в августе бандит убил моего мужа Магомедова, студента КУТВ, на время каникул назначенного начальником РО милиции. В октябре я вернулась на учебу в Москву, в средних числах декабря 1923 года приехала на зимние каникулы, имела грудного ребенка, болея грудницей, оставляла ребенка у своей матери в г. Буйнакске.

Присутствовала в последних числах декабря 1923 г. на партсобрании, но никаких троцкистских выступлений с моей стороны не было, как не было со стороны других членов партии. Слушали постановление ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1923 года, которое из Центрального Органа "Правда" читал секретарю РК ВКП(б) Хавриенко, а местные товарищи переводили на кумыкский язык. Голосовали за постановление ЦК ВКП(б) единогласно⁸⁵.

Выступали по вопросу грубых выходов по отношению местных работников, и в частности секретарей сельячек близлежащих аулов, которые просили разрешение присутствовать на этом партсобрании, но Хавриенко просто выгнал их, чем вызвал против себя возмущение. Выступали против Хавриенко, говорили об отсутствии работы среди сельских коммунистов, о не чутком отношении Хавриенко к местным коммунистам, о его грубых выходах выступала и я. А когда составлялась резолюция, предложено было включить и об отсутствии работы в сельячках — это пришлось не по нутру Хавриенко и некоторым членам бюро.

Следователь записывал в протокол очной ставки без меня то, что, якобы, говорил Хавриенко, а когда я была вызвана, дал мне прочитать. Я в лицо говорила самому Хавриенко все вышенаписанное мной. Но следователь не записал с моих слов всего, а коротко сам сформулировал только, что Хавриенко в 1923 г. не сообщил ни в КПК, ни в другую парторганизацию то, что говорит в 1940 г.

Когда следователем были мне даны протоколы для прочтения, увидя их перепечатанными, я спросила следователя, заметив добавления, сделанные в них следователем. Я спросила: "А почему они перепечатаны?" "Для удобства глаз", — сказал следователь. "Нет, для удобства лжи", — ответила я. Он обещал переправить и вызвать меня.

Прождав два месяца я написала следователю резкое заявление и вскоре была вызвана с вещами и несмотря на окончание следствия посажена в карцер. Я просидела там три недели, в темном, сыром карцере, где все сырело и плесневело.

Несмотря на мои требования сообщить причины наказания, начальник тюрьмы не мог или не хотел сказать. Я была переведена наверх в прежнюю камеру. В октябре вызвали меня с вещами и мне было прочтено, что постановлением ОСО осуждена ИТЛ 8 лет, как "троцкистка из кулаков". В конце ноября месяца 1940 г. этапирована.

В распределительном пункте Карлага Карабас я узнала, что обвинение у меня "СНОР".

За время пребывания в Карлаге Бидаикского отделения я безотказно работала, куда бы не направляло командование лагеря.

С 1942-45 гг. я внесла более 5 тыс. рублей в фонд Красной Армии (деньги, которые были присланы, видимо, за продажу моих вещей, оставленных в моей комнате. Москва, ул. Горького, 15, кв. 6). Я вносила на все праздники — октябрьские, майские, Красной Армии и т.д.

15.X.1942 г. я обратилась к командованию лагеря с заявлением (начальник отделения Кузнецов; начальник участка Сарпас Т.Т.Шпак) с просьбой оказать мне честь — дать мне возможность в рядах героической Красной Армии защищать свою Родину от нашествия фашистов.

20.VII.1942 г.⁸⁶ я обратилась к командованию лагеря с заявлением к начальнику Бидаикского отделения Кузнецову с просьбой о внесении с моего лицевого счета 500 руб. в фонд подарков бойцам Красной Армии и из вносимой суммы 300 р. просила выделить героическим защитникам Сталинграда. Подписалась на 500 р. постройки танковой колонны, на эскадрилью боевых самолетов им. Чкалова, на заем.

1944-45 гг., работая на молочной ферме — 4 Бидаик премирована командованием лагеря (начальник отделения Бич, старший зоотехник Корчагин А.Н., начальник 4 участка Т.Т.Шпак) занесением благодарности в личное дело за лучшие выходы по молоку, за перевыполнение молочного плана ферма занимала 1-е место.

При освобождении в декабре 1946 г., я получила справку, в которой значилось, что обвинялась как участница в антисоветской нелегальной националистической организации". "Судимости — нет, лишение прав — нет".

Возвратившись в Дагестан к родным с 1947-48 гг. проработала в районах: счетоводом-кассиром, механизатором в колхозе от малярной станции.

В августе 1948 года была прописана в г. Махачкале, где начала работать экономистом в системе Дагрыбтреста, а 17 декабря 1948 года вновь арестована органами МГБ.

Вызвавший меня на допрос следователь Дерябин спрашивал автобиографические данные, с кем в лагере я дружила, с кем переписывалась из заключенных, вернувшись в Дагестан и мои ответы записывал в своей расплывчатой формулировке.

На мои неоднократные вопросы о причине ареста и требования вызова Прокурора, давшего санкцию на мой арест, была вызвана майором Соколовым, но ничего не могла узнать и добиться Прокурора.

Через 2-3 недели мне был предъявлен протокол об окончании следствия и предъявлено обвинение по ст.58-й пункты 2, 10, 11 и словами было написано "работала в пользу иностранных разведок после возвращения из лагеря связалась с буржуазными националистами"⁸⁷.

Когда я спросила следователя Дерябина, в пользу каких иностранных разведок я работала, откуда это все и указала на справку, полученную при освобождении и как можно бросаться такими словами, и с какими буржуазными националистами по возвращении из лагеря я связалась — следователь ничего

* Так в тексте.

не ответил. Тогда в конце обвинения я написала, что всегда была преданной своей Советской Родине.

После 5 месяцев сиденья в тюрьме, я была вызвана, мне было объявлено, что постановлением ОСО НКВД ДАССР направляюсь на поселение в Красноярский край.

Я так была поражена этим новым приговором ОСО, когда испытанное мною было забыто, как тяжелый сон, вновь начала строить жизнь, начала работать, принимая активное участие в профдвижении, как член месткома, что даже не читала и не знаю при какой мотивировке направляли меня на ссылку.

В 1949 году из Красноярской тюрьмы была направлена в Туруханский район, где работала рабочей при Опытном сельскохозяйственном пункте, потом экономистом в Туруханской Рыбкоопе.

Очень болея в тяжелых климатических условиях, по решению врачебной комиссии и ходатайству Туруханского здравотдела и разрешению Красноярского Краевого Управления НКВД СССР, мне было разрешено выехать в 1950 году в июле месяце в гор.Енисейск, где как инвалид II группы, не могу работать на физической работе, а на другую работу не могла устроиться. Живу на средства, посылаемые родными и на случайные заработки.

Прошу Вас, тов. Генеральный Прокурор, затребовать мое дело, запросить из Комиссии Партийного Контроля материалы по проверке моей партийной чистоты, затребовать мою папку с подлинными письмами У.Буйнакского ко мне в период подполья и из тюрьмы в 1919 г. в количестве 20 шт. с лишним, мои дневники студенческих времен 1922-27 гг., копию заявления с материалами на Самурского, переданного мною на имя Ежова в НКВД СССР.

Прошу Вас снести со следователем КПК ЦК КПСС т.Паниным, который, надеюсь, жив, здоров.

Прошу Вас направить мое дело на пересмотр в Верховный суд, чтобы судебным приговором было отменено неправильное постановление ОСО, по которому много лет, будучи невиновной, провела в изоляции⁸⁸, а теперь несколько лет нахожусь на ссылке в Сибири в тяжелом для моего здоровья климате, оторванная от родных, чтобы, наконец, я много лет своей жизни отдавая партии за счастье своей Советской Родины, была реабилитирована и восторжествовала бы и по моему делу законность и правда.

Приложения:

1. Три характеристики: а) Кара Караева, чл. КПСС, участника Гражданской и Отечественной войн; б) Наби Магомедова, участника Гражданской и Отечественной войн; в) Разият Хизроевой, жены старого большевика Магомед-Мирзы Хизроева, персональной пенсионерки.

Кроме того, прошу допросить свидетелей по прилагаемому списку, чтобы установить мою невиновность и невозможность мною совершить какие-либо преступления против своей Советской Родины и партии.

1. Буровцева Анна, чл.КПСС г.Махачкала, знала с 1923-36 гг. Консервный трест.
2. Белоусова Мария Тимофеевна, чл.КПСС, г.Одесса, ул.Короленко д.№8, кв.25, знала с 1930-36 гг.
3. Вискне Карл Карлович, чл.КПСС, участник Гражданской и Отечественной войн. г.Рига, ул.Мира, д.71.
4. Алиханов Вахаб, чл.КПСС, участник Гражданской войны г.Москва.
5. Габиев Саид, чл.КПСС, г.Тбилиси, ул.Кирова, 15.
6. Сенцов Н.Ф., чл.КПСС, г.Москва, 2-й Неополимовсий пер., 1, кв.2, знал с 1930-37 гг.
7. Хашаев Хаджи-Мурат, чл.КПСС, г.Махачкала.
8. Длуги Мария, чл.КПСС, г.Москва, Угол Воротникова переулка, знала меня с 1919-36 гг.
9. Минскер Сима Исаевна, чл.КПСС, знала с 1928 г. по работе в Торгпредстве СССР в г.Стамбуле.
10. Гришин Петр, чл.КПСС, который знал меня с 1928 г. по работе в Торгпредстве СССР в г.Стамбуле.
11. Крылов Ефим Максимович, бывш чл.ВКП(б), г.Москва, ул.Каляевская, д.5, кв.193. Может указать адреса Минскера и Гришина Петра.
12. Гаджиев Хадис, освобожден из тюрьмы в 1940 г. В 1948 г. проживал в г.Махачкала.
и члены братских компартий:

1. Хикмет Назым — турецкий коммунист-поэт, знал меня с 1923-28 гг.
2. Колев С., чл. болгарской компартии, племянник Благоева, знал с 1928-36 гг. по работе в Торгпредстве и по Москве.

Прошу Вас при какой-либо неясности запросить меня.

25 июня 1954 г.

Подпись (Т.О.Булач)

Документ хранится в личном архиве старшего научного сотрудника ИИАЭ ДНЦ РАН М.С.Гаджиева.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алиев Ибрагим Махмудович (1890-1937), член партии с 1917 г., образование высшее. До 1917 г. работал печником (1906). В 1913 г. окончил Порт-Петровскую гимназию. С 1913 по 1917 гг. учился в МГУ, работал членом следственной комиссии Дагревкома (1917-18), зам. председателя партии "Гуммет" в г.Ашхабаде (1918), инспектором инспекции труда в г.Баку (1919), председателем губкома РКП(б), одновременно и председателем ревкома в г.Гянджа (Азербайджан) (1919-20), там же начальником и членом коллегии ГубЧК (1920-21), наркомом юстиции ДАССР (1921), секретарем Дагестанского обкома РКП(б) (1921-23), председателем Главсуда ДАССР (1923-25) и (1934-37), снова наркомом юстиции и прокурором республики (1925-28), наркомом финансов (1928-29), редактором журнала "Плановое хозяйство Дагестана" (1929), председателем Дагестана во ВЦИКе (1931-32), директором научно-исследовательского института национальной культуры (1932-34). В июне-июле 1937 г. под председательством зам. Уполномоченного Комиссии Советского Контроля при СНК СССР Шалита проверялась деятельность правоохранительных органов ДАССР. 5 июля 1937 года, еще до окончания работы комиссии, на заседании бюро обкома партии был внесен вопрос "О состоянии работы Прокуратуры, наркомюста и судебных органов Дагестанской АССР", на котором И.М.Алиев был исключен из партии и снят с работы как "буржуазный националист". На следующий день, т.е. 6 июля утром И.М.Алиев покончил жизнь самоубийством. Решением бюро обкома партии от 30 марта 1956 г. посмертно реабилитирован.

2. Сорокин Максим Федорович (1899-1965), член партии с 1920 г., работал секретарем ЦК ЛКСМ Азербайджана (1922-24), секретарем Закавказского крайкома ВЛКСМ (1924), секретарем Среднеазиатского бюро ЦК ВЛКСМ г.Ташкент (1926-27), инструктором Северного Крайкома ВКП(б), секретарем горкома партии и председателем горсовета г.Архангельска, секретарем по транспорту и заведующим промышленно-транспортным отделом Северного крайкома партии (1929-34), заведующим сектором водного транспорта транспортного отдела ЦК ВКП(б) (1934-36), вторым, потом первым секретарем Дагестанского обкома ВКП(б) (1936-39), управляющим трестами "Калининлес" и "Пензалес" (1939-42), председателем Пензенского горисполкома (1942-43), зам. председателя Пензенского облисполкома (1943-47), слушатель курсов переподготовки руководящих советских работников при ВПШ ЦК ВКП(б) (1947-48), начальником Пензенского облпищепрома (1948-50). С 1950 г. — пенсионер. Умер в 1965 г.

3. Лелевич Лабори Гилелевич (1901-1937), член партии с 1917 г., образование высшее. Работал старшим ассистентом кафедры русской литературы факультета общественных наук, а затем экономического факультета I Московского университета (1924-1925), научным сотрудником I разряда НИИ языка и литературы РАНИОН (1925-1926), доцентом кафедры русской литературы Саратовского университета (1927-1928), ученым секретарем Государственной Академии естествознания по сектору литературы (1931), доцентом кафедры литературы индустриально-педагогического института им. К.Либкнехта (1931), зам. директора Государственной Третьяковской галереи по научно-исследовательской части (1932), зам. зав. сектором науки Наркомпроса РСФСР (1933), с 1934 г. — зав. сектором литературы Дагестанского НИИ национальных культур.

4. Сеид-Гусейнов Асад Газиевич (1905-1967), член партии с 1924 г., образование высшее. В момент исключения из партии (октябрь 1937 г.) работал заведующим промышленно-транспортным отделом обкома партии. Арестован органами НКВД 3 июня 1940 г. как "буржуазный националист" и осужден на 5 лет ИТЛ. В сентябре 1955 г. реабилитирован. После реабилитации с октября 1955 г. работал на различных должностях: корректором в Дагучпедгизе, преподавателем вузов.

5. Чаринов Муздин (1893-1936), родился в сел. Хурукра Кази-Кумухского округа (ныне Лакский район). Поэт, писатель, драматург и переводчик. Окончил Темир-Хан-Шуриновское реальное училище (1913). Сотрудничал с членами Дагестанского агитационно-простветительского бюро, в газете "Илчи". Участник гражданской войны и установления Советской власти в Дагестане. Работал заведующим Кази-Кумухским окружным отделом народного образования (1921), студент сельскохозяйственного факультета Азербайджанского политехнического института (1921-26), работал директором Дербентского сельскохозяйственного техникума (1929-31), научным сотрудником, заведующим отдела литературы и фольклора Дагестанского научно-исследовательского института национальной культуры (1931-36), член Союза писателей дагестана. Арестован в 1935 г. по обвинению в "буржуазном национализме", в проведении "антисоветской", "вредительской" деятельности. В тюремной камере подвергался издевательствам и пыткам, где в знак протеста объявил 12-дневную голодовку. Скончался в Центральной Республиканской больнице 6 апреля 1936 г. В связи со смертью дело было прекращено.

6. Астемиров Багаутдин Аджиевич (1898-1967), член партии с 1920 г., образование среднее. Работал заведующим Аксайской сельской школы (1919 г.), помощником начальника отдела реквизиций и конфискации в г.Хасавюрте (1919 г.), заведующим отделом Дагестанского обкома РКСМ (1920-22 гг.), заведующим отделом Хасавюртовского окружкома РКП(б) (1922-23 гг.), председателем Хасавюртовского окружного исполкома (1922-23 гг.), секретарем Хасавюртовского окружкома партии (1923-25 гг.), слушателем курсов партработников при ЦК ВКП(б) (1925-26 гг.), секретарем Кайтаго-Табасаранского окружкома ВКП(б) (1926-27 гг.), наркомом финансов ДАССР (1928-31 гг.), заведующим Культпропотделом Дагобкома ВКП(б) (1931-32 гг.), наркомом просвещения ДАССР (1932-36 гг.). Арестован органами НКВД 30 апреля 1937 г. Военным Трибуналом СКВО 4-15 декабря 1939 г. осужден к 20 годам ИТЛ. Находился в заключении и в ссылке в Заполярье, Коми АССР, Саратовской, Иркутской областях и в Красноярском крае (1939-55 гг.). 14 сентября 1956 г. реабилитирован и восстановлен в партии с сохранением партийного стажа с 1920 г. Умер 1967 году.

7. Шовкринский Юсуп Нажмутдинович (1902-1943), член партии с 1922 г., образование высшее, окончил Свердловский университет в Москве (1928 г.), 2 курса ИКП. Работал сапожником в г.Баку (1916-1918 гг.), инструктором Дагревкома (1920 г.), служил в партизанском отряде Э.Махмудова (1920 г.), учителем в сел.Шовкра (1921-22 гг.), секретарем участкаового исполкома сел.Кумух (1922-24 гг.), директором курсов марксизма-ленинизма (1933-34 гг.), заведующим Культпропотделом обкома ВКП(б) (1934-36 гг.), научным сотрудником Северо-Кавказского научно-исследовательского института национальных культур (г.Пятигорск) (1936-37 гг.). Арестован 7 февраля 1937 г. и осужден к 8 годам ИТЛ. Отбывая наказание, умер в 1943 г. Определением Военного трибунала СКВО от 23 апреля 1956 реабилитирован.

8. Гаджибеков Гаджибек (1902-1941), родился в сел. Ахты Самурского округа (ныне Ахтынский район). Учился в Темир-Хан-Шуре, на курсах Наркомзема в Москве, в Коммунистическом университете им.Я.М.Сведлова, в аспирантуре научно-исследовательского института народов Востока, кандидат филологических наук. Работал заведующим сектором языков и заместителем директора первого в Дагестана научно-исследовательского института национальных культур. В 1937 г. Институт фактически был разогнан. Из 23 сотрудников — 8 были арестованы, в том числе и Г.Гаджибеков. Нарком внутренних дел ДАССР В.Г.Ломоносов со всех трибун шельмовал Г.Гаджибекова, обвиняя его в троцкизме и в буржуазном национализме. К этому подключилась и газета "Известия", где была опубликована статья Шустера "Буржуазные националисты орудуют в Дагестане". В статье Институт, возглавляемый Г.Гаджибековым, был объявлен рассадником троцкистско-националистических элементов. В течение длительного времени, после ареста, содержался в

центральной Махачкалинской тюрьме, где подвергался моральным и физическим пыткам, а затем этапирован в лагерь для заключенных на территории Коми АССР. Погиб в лагере в драке с уголовниками 5 января 1941 г. Похоронен на ст. Печора.

9. Тахо-Годи Алибек Алибекович (1892-1937), член партии с 1920 г., образование высшее, закончил Владикавказскую гимназию (1912) и юридический факультет МГУ (1916). Работал помощником присяжного поверенного во Владикавказе (1916-1917), председателем комитета народной милиции, комиссаром исполкома Даргинского округа, редактором газеты "Голос Дагестана" (1917), членом Дагестанского облисполкома и соцгруппы (1917-1918), зам. председателя ВРК (1918), секретарем бюро горских фракций Народного Совета Терской области (1918-1919), уполномоченным штаба Военного Совета Оборона (1919), членом Совета Оборона Северного Кавказа и Дагестана (1919-1920), зав. отделом юстиции Дагревкома (1920), Наркомом продовольствия ДАССР (1920-1922), наркомом юстиции, просвещения и прокурором ДАССР (1923-1925), директором Дагестанского НИИ национальной культуры (1924-1928), зам. председателя СНК ДАССР и одновременно наркомом просвещения (1926-1929), зам. начальника главпрофобразования НКПроса РСФСР (1929-1930), руководителем группы институтов и университетов НКПроса РСФСР (1930-1931), старшим научным сотрудником и ценным секретарем секции истории народов Кавказа и зав. кафедрой КУТВа, директором ЦНИПИН, зам. зав. отделом школ и учебных заведений ЦК ВКП(б), зам. ответственного редактора журнала "Красный архив" (1931-1937). Арестован органами НКВД в Москве 22 июня 1937 г. По решению Военной коллегии Верховного суда СССР 9 октября 1937 г. осужден к высшей мере наказания. Посмертно реабилитирован.

10. Ольшевский Виктор Степанович (1903-1937), член партии с 1926 г., образование среднее. Работал заведующим отделом Кузнецкого уездного партийного комитета (1919-20), учился в Комвузе г. Саратова (1922-25), далее работал заведующим окружным политпросветом в г. Миллерово Донецкой области Северо-Кавказского края (1925-26), служил в рядах Красной Армии (1926-27), работал заведующим детским приемником в г. Краснодаре (1927-28), заместителем директора Кубанской УЗП (1928-29), заведующим культпросветотделом и АМО Усть-Лабинского райкома ВКП(б) Донецкой области Северо-Кавказского края (1929-31), заместителем культпропотдела Дагобкома ВКП(б) (1932-35). С апреля 1935 г. заместитель Наркомпроса ДАССР. Решением бюро обкома партии от 23 августа 1936 г. исключен из партии за связь с Лелевичем.

11. Нуров Рабадан (1889-1942), активный участник гражданской войны и борьбы за установление Советской власти в Дагестане. После окончания гражданской войны в Дагестане работал на различных руководящих должностях, одновременно занимался и литературной деятельностью. После окончания курсов марксизма-ленинизма в Москве работал директором ДагГИЗа, директором Сельхозинститута. В 1937 г. исключен из партии, в том же году арестован. На выездном заседании Военного Трибунала СКВО, проходившее в Махачкале 14-15 декабря 1939 г., осужден к 10 годам ИТЛ как "враг народа" и "буржуазный националист". Умер в местах заключения в феврале 1942 г. В 1955 г. посмертно реабилитирован.

12. Шиперов Иван Федорович (годы жизни неизвестны), председатель спецколлегии Верховного суда ДАССР, входил в состав тройки НКВД ДАССР и работал до 28 ноября 1937 г. Решением бюро обкома ВКП(б) от 31 декабря 1937 г. был утвержден начальником Управления Отходсодра НКВД ДАССР.

13. Мамедбеков Керим Гусейнович (1899-1938), член партии с 1917 г., образование среднее. Работал наркомом транспорта Дербентского Совнаркома (1918), секретарем Астраханского губисполкома (1918), Военкомом Дагестанского конного полка (1919), служил в армии (1919-1920), был Военкомом Дагестана и Чрезвычайным комиссаром Юждага (1920),

председателем Военного трибунала (1920-1921), членом Дагревкома и председателем Даг ЧК (1921-1931), одновременно по совместительству наркомом внутренних дел (1921-1925), наркомом финансов (1925-1928), председателем Госплана (1928-1930), 1-м заместителем председателя, потом председателем СНК ДАССР (1931-1937). Решением бюро обкома партии от 27 сентября 1937 г. исключен из партии, снят с работы и в тот же день арестован и осужден к высшей мере наказания. Посмертно реабилитирован.

14. Гитинов Магомед Гитино-Магомедович (1897-1955), член партии с 1920 г., образование среднее. Работал рабочим Майкопских нефтепромыслов (1915-17), служил в Дагестанском конном полку (1918-19), в партизанском отряде Атаева (1920-21), был начальником милиции Аварского округа (1921-24), учился в Коммунистическом университете им. Я.М.Свердлова (1924-28), работал секретарем Гунибского окружного ВКП(б) (1928-29), заведующим отделом Дагобкома ВКП(б) (1929-31), заместителем председателя СНК ДАССР (1932-37). Арестован органами НКВД ДАССР 25 октября 1937 г., решением Военного трибунала СКВО 4-15 декабря 1939 г. осужден на 15 лет ИТЛ. Реабилитирован в 1955 г.

15. Атаев Джамал Атаевич (1882-1937), член партии с 1917 г., образование среднее. До 1917 г. в течение 27 лет работал на производстве. Военный комиссар ВРК (1917-1918), член Дагестанского подпольного обкома партии (1918-1919), Чрезвычайный комиссар по борьбе с контрреволюцией (1921-1922), зав. земельным отделом Махачкалинского райисполкома (1921-1922), директор фабрики III Интернационала ("Каспийская мануфактура") (1925-1926), зам. наркома труда ДАССР (1927-1929), наркомом собеса (1930-1931), директор Государственного музея (1931-1932). В 1937 г. арестован за участие в подписании документа "Платформа 43-х", будучи членом обкома партии в 1924 г.

16. Письмо Королины Колесовой на имя Сталина от 11 марта 1937 г. из КПК ЦК ВКП(б) было переслано секретарю Парткомлегии КПК по Дагестану Г. Кофтерову с резолюцией: "Направляется заявление Колесовой К. для выяснения и о результатах сообщить заявителю". В конце марта Г. Кофтеров сообщил Колесовой К. следующее: "На заявление, поданное Вами тов. Сталину, Парткомлегия сообщает, что затронутому вопросу ведется соответствующее расследование".

19 марта 1937 г. Колесова К. вновь пишет Г. Кофтерову: "Скоро будет полторы месяца как получила Ваше извещение в ответ на посланное мной заявление. Не в том ли заключается Ваше расследование, что Вы изъяли моего мужа. Очевидно, вы не поняли, что мое заявление касается не его, а другого лица (кого именно она имела в виду Колесова К. не сообщает. Ред.), о чем Вы, очевидно, знать не хотите. Ваш ответ меня очень интересует и чтобы мне не причинять лишнего беспокойства в Москве, я, надеюсь, Вы мне его сообщите". Ответа, конечно, Колесова К. не дождалась. Муж был репрессирован.

17. Колесов Николай Павлович (1896-1937), член партии с 1918 г., образование среднее. До 1917 г. служил в армии. Работал зав. орготделом Махачкалинского РКП(б) (1921-24), зав. орготделом и секретарем Дагестанского обкома ВКП(б) (1924-27), членом коллегии Наркомзема РСФСР (1921-31), зав. сельхозсектором распределдела ЦК ВКП(б) (1931-32), членом коллегии Наркомсовхозов СССР (1932-34), зав. сельхозотделом и помощником первого секретаря Дагестанского обкома ВКП(б) (1934-37). Решением бюро обкома ВКП(б) от 9 февраля 1937 г. исключен из партии, снят с работы и арестован за подготовку и представление очковитательских сведений по озимому севу и подъему зяби за 1936 г., за что был приговорен к высшей мере наказания.

18. Бултанов Азиз Бултанович (1904- ?), член партии с 1927 г., образование высшее. Работал рабочим нефтепромыслов в г. Баку (1919-20), рабочим пекарни в Махачкале (1924-25), учился в Совпартшколе (1925-29), директором областных курсов пропагандистов (1929-30 и

1935-39), студентом Коммунистического университета общественных наук (1930-33), ассистентом кафедры диалектического материализма Северо-Осетинского пединститута (1933-34), аспирантом научно-исследовательского института национальностей (1934-35), зав. отделом Дагестанского музея (1940-41), служил в армии (1942-46), научным сотрудником Дагестанской базы Академии наук СССР (1946-48), ответсекретарем общества "Знание" (1948-51), преподавателем Дагмединститута (1951-52), директором магазина (1954). Решением бюро обкома партии от 23 октября 1937 г. "за протаскивание клеветы на Сталина и на руководство обкома" (читай Сорокина), изложенные в письме (см. док. № 4 снят с работы и исключен из партии. В 1939 г. восстановлен в партии, в 1952 г. снова исключен, в 1954 г. снова восстановлен. 17 мая 1952 г. арестован и осужден к 10 годам ИТЛ, в 1954 оправдан.

19. Ибрагимов Хайрулла Ибрагимович (1904- ?) член партии с 1925 г., образование среднее. Работал ответсекретарем участкового комитета комсомола в сел. Нижний Дженгутай (1922-24), инструктором Буйнакского райкома комсомола (1924), студентом рабфака в г. Ростове-на-Дону (1924-26), секретарем Хасавюртовского окружного комсомола (1927), зав. отделом Дагобкома ВЛКСМ (1928-30), начальником отдела Наркомюста (1930), студентом Коммунистического университета им. Свердлова (1930-32), председателем Буйнакского райисполкома (1932-33), секретарем Хасавюртовского райкома ВКП(б) (1933-36), зав. отделом руководящих парторганов обкома ВКП(б) (1936-37). Арестован органами НКВД ДАССР в октябре 1937 г. Особым совещанием при НКВД СССР 11 июля 1940 г. осужден на 5 лет ИТЛ. Находился в заключении и ссылке (1937-43), служил в действующей армии (1943-46), работал экономистом военно-полевого строительства в городах Каунас и Рига (Латвия) (1946-48), агрономом-заготовителем винограда в г. Буйнакске (1949-54), зав. отделом коммунального хозяйства Буйнакского горисполкома с 1956 г. Решением Военного Трибунала СКВО от 6 февраля 1956 г. реабилитирован.

20. Кулаев Александр Исакович (1898- ?) член партии с 1918 г., образование высшее. работал начальником окружного политпросвета в г. Грозном (1920-21), начальником управления коллективизации сельского хозяйства Наркомзема Северо-Осетинской АССР (1921), уездным агрономом и секретарем парторганизации г. Закаталы (Азербайджанская ССР) (1928), профессором Коммунистического университета трудящихся Востока г. Москва (1928-33), начальником Политотдела Махачкалинской МТС, секретарем Кумторкалинской РК ВКП(б) (1933-37). Арестован 8 октября 1937 г. 28 сентября 1940 г. Особым совещанием при НКВД СССР осужден к 8 годам ИТЛ. Из-под стражи освобожден 8 октября 1945 г. 25 декабря 1948 г. вторично арестован и осужден. Наказание отбывал в Красноярском крае до августа 1956 г. В 1956 г. реабилитирован.

21. Березняков Михаил Савельевич (1896- ?) член партии с 1918 г., образование высшее. Служил в армии (1913-23). Работал в Крыму на партийной и профсоюзной работе (1923-28), преподавателем Совпартшколы (1928-31), учился на экономическом отделении ИКП (1931-35), был напарвлен на работу зав. отделом пропаганды и агитации Дагестанского обкома партии (1935-37). Решением бюро обкома партии от 10 октября 1937 г. за связь с "врагами народа" Шовкринским и Никоновым, снят с работы и выведен из членов бюро и Пленума обкома партии. По партийной линии объявлен строгий выговор. В 1938-39 гг. работал доцентом политэкономии Дагпединститута.

22. Видимо, здесь речь идет о XIV областной партконференции, состоявшейся 26 мая-3 июня 1937 г. На конференции не шел разговор о выдвижении Сеид-Гусейнова на пост первого секретаря обкома партии. В 1936 г. предполагалось выдвинуть его кандидатуру на пост 2-го секретаря. Однако из Москвы был прислан на эту должность М. Ф. Сорокин, что необдуманно было встречено Н. Самурским.

23. Самурский (Эфендиев) Нажмутдин Панахович (1892-1938), член партии с 1917 г., образование высшее. Работал в окружном суде Самурского округа (1902-1907), рабочим и табельщиком в железоскобяном складе в г. Иркутске (1907-1915), в частном промысле в г. Баку (1915-1918), в Политотделе XI Красной Армии (1918-1920), зам. председателя Дагревкома (1920-1921), председателем ДагЦИКа (1921-1929), членом Экономсовета в Совнарком РСФСР в г. Москве (1929-1931), слушатель Института Красной профессуры (1931-1933), председателем комиссии по чистке рядов партии Фрунзенского райкома ВКП(б) г. Москвы (1933-1934), с марта 1934 г. первым секретарем Дагестанского обкома ВКП(б). Арестован 30 сентября 1937 г. и 1 августа 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР осужден к высшей мере наказания. В июне 1956 г. реабилитирован.

24. Далгат Магомед Алибекович (1893-1942), член партии с 1918 г., образование незаконченное высшее. Работал агитатором (1917-18), председателем юридической комиссии Дагревкома (1918), был членом Дагестанского подпольного обкома партии (1918-19), зам. председателя Совета Обороны в сел. Леваши Даргинского округа (1919-20), зав. областным финансовым отделом (1920), уполномоченным Дагревкома в крепости Гуниб (1920-21), председателем Даргинского окружного ревкома (1921), зам. председателя Дагобкома ВКП(б) (1921-22), председателем Даргинского окрисполкома (1922), председателем ДагЦИКа (1922-23 и 1928-37) курсантом курсов марксизма в Москве (1924), секретарем Дагобкома ВКП(б) (1924-28). Арестован органами НКВД 27 сентября 1937 г. Осужден Военной коллегией Верховного суда СССР 17 мая 1940 г. к 20 годам ИТЛ. Умер в 1942 году. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 14 сентября 1955 г. реабилитирован.

25. "Кермен" — революционно-демократическая организация крестьянской бедноты и середнячества Северной Осетии. Возникла летом 1917 г., названная именем легендарного осетинского героя XIX в. Чермен (по-осетински — Кермен). К концу 1917 г. насчитывала до 1000 членов. В состав ЦК "Кермен" входили Гибизов Д. Д., Гостиев А. Б., Кесаев Н. Г., Малиев Г. Г., Созаев Т. В. и другие. Основные лозунги: ликвидация помещиков, конфискация их земель, равноправие наций, борьба с контрреволюцией. На практическую деятельность "Кермен" известное влияние оказывали Владикавказские большевики: С. М. Киров, С. Б. Буачидзе, И. Д. Орехелашвили, Г. А. Цаголов, С. Г. Мамсуров, Е. Романов. Боевые отряды керменистов боролись с контрреволюцией в Осетии и на Тереке. В апреле 1918 г. организация слилась с РКП(б) и была образована Осетинская окружная организация РКП(б) "Кермен".

26. Речь, видимо, идет о постановлении бюро Дагестанского обкома партии от 16 октября 1933 г. "Об итогах и очередных задачах партпросвещения".

27. 2-й пленум ДК ВКП(б) состоялся 25-26 мая 1932 г., где было принято постановление "Об очередных задачах Дагестанской парторганизации".

28. Исаев Гафур Гаджимагомедович (1904-1943), член партии с 1925 г., образование среднее. Работал делопроизводителем в Лакском окружном собесе и окружной милиции (1921-24), учился в Дагсовпартшколе (1924-25) секретарем Лакского окружного ВЛКСМ (1925-27), зав. агитационно-пропагандистским отделом Дагобкома ВЛКСМ (1927-29), секретарем Лакского райкома ВКП(б) (1932-33), инструктором Северо-Кавказского Крайкома партии (г. Пятигорск) (1933-34), студентом Российской Академии земледелия (1934-35), первым секретарем Лакского райкома ВКП(б) (1935-37). Решением бюро обкома партии от 3 ноября 1937 г. исключен из партии и снят с работы. Арестован 17 ноября 1937 г. и находился под следствием в Центральной Махачкалинской тюрьме НКВД до января 1940 г. На выездном заседании Военного трибунала СКВО в г. Махачкале от 6-9 января 1940 г. оправдан и восстановлен в рядах партии. Погиб на фронтах Великой Отечественной войны в 1943 г.

29. Заявление Ю.Н.Шовкринского датировано по дате ответа из КПК ЦК ВКП(б). По содержанию, заявление написано после ареста Наркома внутренних дел ДАССР В.Г.Ломоносова (арестован 2 января 1939 г.) и почти через 28 месяцев после ареста самого Ю.Н.Шовкринского (арестован 17 февраля 1937 г.).

30. Ярославский Емельян Михайлович (Губельман Минеи Израилевич) (1878-1943), член партии с 1898 г., участник революции 1905-1907 гг. С июля 1917 г. — член Московского комитета и Военного бюро МК РСДРП(б), редактор газеты "Деревенская правда", делегат VI съезда РСДРП(б). В Октябрьские дни 1917 г. — член Центрального штаба Красной гвардии, боевого центра по руководству восстанием, член Московского ВРК, первый комиссар Кремля. После Октября — комиссар Московского Военного округа, участник борьбы за Советскую власть на Украине и в Сибири. С 1921 г. — секретарь ЦК партии, член ЦКК. В 1921-1922 гг. и с 1939 г. — член ЦК (кандидат 1919-1921 гг.), в 1923-1934 гг. — член Президиума ЦКК ВКП(б), член ВЦИК и ЦИК СССР, депутат Верховного Совета СССР.

31. Здесь, видимо, речь идет о решениях пленума Дагестанского обкома партии (ноябрь 1929 г.), который потребовал от партийных и советских органов устранения недостатков в хлебозаготовительной кампании, применения решительных мер против кулацкого саботажа. В хлебозаготовительную кампанию 1929 г. было возбуждено 164 уголовных дела, по которым 128 человек были осуждены к различным срокам тюремного заключения. (См. ЦГА РД. Ф.123, Оп.1. Д.31. Л.89).

32. Ломоносов Василий Георгиевич (1896-1939), член партии с 1919 г., образование низшее, окончил 4-х классное училище в Петербурге, 3-х месячные курсы высшего руководящего состава ОГПУ в г.Москве. До 1917 г. работал в Морском ведомстве, секретарем военкома, зам. председателя, председателем комиссии по борьбе с дезертирством в г.Петрограде (1918-1919), военкомом, делопроизводителем, начальником агентуры особого отдела г.Борисово БССР (1919-1924), начальником особого отдела ГПУ в г.Минске (1924-1932), начальником Донского оперативного сектора (1932-1933), начальником Ставропольского оперативного сектора ОГПУ (1933-1935), начальником управления, народным комиссаром НКВД ДАССР (1935-1938). 2 января 1939 г. арестован и осужден к высшей мере наказания.

33. Процесс над т.н. Лакской троцкистской группой проходил в г.Махачкале 6-9 января 1940 г. на выездном заседании Военного Трибунала СКВО. По делу проходили: Амужат Сеид-Гусейнов — уполномоченный комитета заготовок СНК ДАССР "Заготзерно". Юсуф Амиров — прокурор Буйнакского района, Магомед Магдиев — секретарь Каякентского райкома ВКП(б), Гафур Исаев — секретарь Лакского РК ВКП(б), Шарапутдин Рашкуев — редактор Лакской районной газеты, Минатулла Тумалаев — секретарь Кулинского РК ВКП(б), Гаджи Штанчаев — председатель Кулинского райисполкома, Рамазан Узайлиев — секретарь Бабаюртовского РК ВКП(б), Магарам Куяев — председатель Лакского райисполкома. Все участники процесса Трибуналом были оправданы. (См. ЦГА РД. Ф.1-п. Оп.1. Д.4545. Л.1-2. Копия).

34. Магдиев М. Секретарь Каякентского райкома ВКП(б).

35. Рябконов В. — второй секретарь Северо-Кавказского крайкома партии.

36. Шацкий — заворготделом Северо-Кавказского крайкома партии. Репрессирован в 1937 г.

37. Кормасов Джалапутдин Эсельдерович (1878-1937), член партии с 1917 г. образование высшее. Учился на естественном факультете МГУ, окончил юридический факультет Сорбоннского университета в Париже. За активное участие защиту горского крестьянства в

сентябре 1906 г. на два года сослан в Оленецкую губернию. В сентябре 1910 г. переехал в Стамбул и вступил в члены социалистической партии, редактировал газету "Стамбульские новости". Февральскую революцию встретил в Париже. В мае 1917 г. вернулся в Дагестан, где вступил в Социалистическую группу. Участвовал в работе I съезда горских народов Кавказа (май 1917 г.). Работал зав. земельным отделом Дагестанского областного исполкома, а с августа 1917 г. — председателем. С мая 1918 г. председатель Дагестанского ВРК, с июля 1918 г. — председателем областного исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. С февраля 1919 г. — член Дагестанского подпольного обкома партии и Военного Совета. С сентября 1919 г. председатель Дагестанского областного комитета РКП(б). С января 1920 г. — почетный председатель Совета обороны Северного Кавказа и Дагестана. Возглавлял Дагестанскую делегацию в Москву, принятую 12 февраля 1921 г. В.И.Лениным. С марта 1921 г. первый советник полпреда РСФСР в Турции, участвовал в подписании договора о дружбе и сотрудничестве между Советской Россией и Турцией. С апреля 1920 г. — председатель Дагревкома. С 1921 по 1924 гг. председатель Экономсовета Дагестана. С 1921 по 1931 г. — председатель СНК ДАССР. С 1932 по 1937 г. работал на ответственной должности в ЦИКе СССР. Арестован органами НКВД в Москве в июне 1937 г. Решение Военной коллегии Военного суда СССР 27 сентября 1937 г. осужден к высшей мере наказания. Посмертно реабилитирован.

38. Габиев Сиад Ибрагимович (1882-1963), член партии с 1918 г., образование высшее, в 1911 г. окончил Петербургский университет. В 1912-1914 гг. издавал газеты "Заря Дагестана", "Мусульманская газета". Состоял членом Дагестанского Военно-Революционного комитета (1918 г.). Работал зам. председателя Дагестанского областного исполкома, председателем Ревтрибунала, членом Дагестанского подпольного обкома партии (1919), председателем Терского Народного Совета, редактором газеты "Революционный гонец", представителем Совета Обороны Северного Кавказа и Дагестана в Грузии, председателем Дагревкома (1920-1921), членом Президиума Дагобкома РКП(б), Северо-Кавказского Ревкома (1920-1923), зам. председателя СНК ДАССР, одновременно наркомом просвещения и финансов республики, зам. народного комиссара финансов ЗСФСР, начальником Закавказского управления водного хозяйства, начальником управления по делам печати при СНК ЗСФСР (с 1927 г.). Арестован органами НКВД в 1939 г. Решением Военного Трибунала СКВО в декабре 1939 г. оправдан. Много лет жил и работал в Тбилиси. Умер в 1963 г.

39. Заявление Ю.Шовкринского написано на четырех кусках белого полотна, сделанные им из натальной рубашки. В публикациях периодической печати и в других материалах ошибочно сообщается о том, что письмо из тюремной камеры Ю.Шовкринский написал, вскрыв вену, кровью. Проведенная экспертиза полотна показала, что письмо написано химическим карандашом путем увлажнения самого полотна. (См. ЦГА РД. Ф.1-п. Оп.1. Д.4173. Л.2).

40. Алиев Умар Джашуевич (1895-1938), активный участник гражданской войны и установления Советской власти на Северном Кавказе, работал зав. отделом горцев Кавказа при Наркомнаце РСФСР (1918), был членом Дагестанского подпольного обкома партии и Совета Обороны Северного Кавказа и Дагестана (1919), председателем Карачаевского окружного ревкома и секретарем Оргбюро РКП(б) (1920), председателем объединенных парторганов Южного Дагестана (1922), председателем Северо-Кавказского Краевого Совета по национальным вопросам, директором Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института (СКГНИИ), членом редколлегии журнала "Революция и гонец" (1925), председателем научного совета Всесоюзного Центрального Комитета нового алфавита (1930), ученым секретарем кафедры ленинизма ВЗИП и преподавателем арабского языка в МГУ и карачаево-балкарского языка в студии ГИТИСа. 24 июня 1937 г. арестован на даче под Москвой. 24 июня 1938 г. умер в заключении. Посмертно реабилитирован.

41. Речь идет о статье Н. Самурского "О методике определения социально-экономических групп крестьянства в условиях Дагестана", опубликованная в журнале "Плановое хозяйство Дагестана", 1928 г. №№ 7-9. В рецензии Ю. Шовкринского отмечается, что в этой статье Дагестан разделяется на три социально-экономических групп (бедняков; середняков и зажиточных)". Поскольку "в нашей партии имеется разъяснение, что зажиточные — это не есть кулак, а это есть прочный, крепкий середняк, Н. Самурский смешивает эту группу с кулаками и у него не оказывается кулак. Таким образом, в статье т. Самурского мы не видим кулака"... Позднее Самурский поблагодарил Ю. Шовкринского, "который обратил внимание на его статью о методе определения социальных групп в условиях Дагестана и подметил ляпсусы с его точки зрения" (см. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 7. Д. 301. Л. 108, 124).

42. Грановский Моисей Лазаревич (1890- ?), член партии с 1914 г., образование незаконченное высшее (окончил 4 курса Киевского Коммерческого института). Работал управляющим делами СНК Украины (1918-1919), комиссаром снабжения XIV армии (1919-1920), заместителем наркома внутренних дел Украины (1920), председателем Кременчугского губисполкома (1920-1921), председателем Черниговского губпросветом (1922-1923), секретарем Амурского губкома ВКП(б) г. Владивосток (1923-1926), первым секретарем Дагестанского обкома ВКП(б) (1927-1928). Решением оргбюро ЦК ВКП(б) "в целях прекращения групповой борьбы внутри Дагпарторганизации" в ноябре 1928 г. отозван в распоряжение ЦК. Дальнейшая его судьба неизвестна. *В 1937 г. репрессирован*

43. На бюро Дагестанского обкома партии (сентябрь 1928 г.), проходившее с участием представителя ЦК ВКП(б) Леонова, Н. Самурский заявил, что "не может работать при таком положении (речь идет о трениях в руководящей верхушке — Ред.). Состоявшийся вскоре пленум обкома партии вынес решение "ввиду того, что имеется крайняя обостренность трений в работе руководящих работников, считать целесообразным вопрос этот передать на решение ЦК". Оргбюро ЦК приняло решение "для прекращения групповой борьбы отозвать тт. Самурского и Грановского из организации". Пленум обкома партии, состоявшийся 15-16 ноября 1928 г. с участием представителя ЦК Сидельникова, выступавшего с докладом "О положении внутри Дагпарторганизации", постановил "освободить Самурского и Грановского от обязанностей членов бюро ДК, откомандировав их в распоряжение ЦК ВКП(б)". Председателем ДагЦИКа был утвержден Магомед Далгат, освободив его от обязанностей секретаря обкома, первым секретарем обкома был утвержден А. И. Муравьев. (См. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 7. Д. 304. Л. 14-17).

44. Самурский в отчетном докладе Дагестанского обкома ВКП(б) к XIV областной партконференции 28 мая 1937 г. признавал о том, что "лично разоблачил немало троцкистов правых и всякой нечисти в нашей организации после вторичного возвращения в Дагестан на партийную работу" (См. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3560. Л. 139-140.)

45. "Платформа 43-х", Дагестанская АССР, провозглашенная в ноябре 1920 г., в марте 1921 г. помимо воли и желания руководства наряду с другими республиками Северного Кавказа была включена в состав Юго-Восточного (Северо-Кавказского) края, а партийная организация — в Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б). В течение 1922-1924 гг. Дагобком партии неоднократно обращался в ЦК РКП(б) и ВЦИК о выделении Дагестана из Юго-Восточного объединения. Учитывая это, Президиум ВЦИК в феврале 1924 г. принял решение о выделении Дагестана из Юго-Восточного края, однако вопрос о выделении партийной организации оставался открытым. В мае 1924 г. Президиум Дагобкома партии поставил перед ЦК РКП(б) вопрос о целесообразности прямого подчинения областной партийной организации Центральному Комитету партии по примеру Башкирской и Татарской парторганизаций. Оргбюро ЦК партии запросило от Дагобкома мотивированные обоснования. Вопрос рассматривался

расширенном пленуме Дагобкома партии от 26-28 июля 1924 г., который принял развернутое постановление "По поводу о районировании Юго-Восточной области и о предполагаемом включении Дагестана в эту область". Постановление подписали 43 члена обкома партии", получившее в последующие годы наименование как "Платформа 43-х". Отпечатанная типографским способом постановление было направлено в ЦК ВКП(б). Судьба уговорила участникам пленума, подписавших это постановление тяжкие испытания. В 30-е годы все оставшиеся в живых и находящиеся в Дагестане авторы "Платформы 43-х" были репрессированы, многие казнены или умерли в тюрьмах. В вину этим людям, наряду с другими обвинениями, инкриминировалось обвинение в буржуазном национализме. В числе подписавших это постановление были (в порядке расположения фамилий под текстом): Н. Самурский, Д. Коркмасов, Х.-М. Ханмагомедов, Д. Атаев, Х. Эмирбеков, Н. Колесов, Г. Гаджиев, Д. Исмаилов, Б. Астемиров, М. Абакаров, Д. Саидов, М. Далгат, С. Габиев, А. Тахо-Годи, Т. Темирбеков, Ю. Кабукаев, Т. Амиров, И. Алиев, Н. Носидзе, Б. Троицкий, К. Полин, Н. Носов, Н. Ефуни, Т. Хавриенко, М. Мамаев, М. Атаев, А. Мурсалов, М. Жмулин, М. Кюринский, А. Бросимов, Б. Гаджиев, Б. Халидов, А. Матвеев, Г. Петренко, Г.-Г. Магомедов, А. Аджигитов, П. Сердобинцев, А. Погодин, М. Ахундов, В. Ходак, М. Магомедбеков, М. Эльдаров. Из их числа до этих событий умерли: М. Ахундов, В. Ходак, М. Магомедбеков, М. Эльдаров, И. Алиев. Неизвестно судьбы Н. Ефуни, М. Жмулина, Г. Меджидова, А. Мурсалова, Н. Носидзе, С. Носова, К. Полина, П. Сердобинцева, Б. Троицкого, выехавших из Дагестана. В октябре 1924 г. ЦК РКП(б) принял решение о выделении Дагестана из Юго-Восточного края. Однако, в сентябре 1931 г. Дагестан снова вошел в состав Северо-Кавказского края, в котором находился до 1937 г. (См. В. Г. Иванцов "Письмо 43-х" // Политический собеседник, декабрь 1989, № 23. С. 18-23).

46. Гаджиев Гадис Абдуллаевич (1888-1950), член партии с 1918 г., образование среднее. Работал учителем начальных классов в Нижнем Джеенгуте (1909-1911), в Кумухе (1911-1912), завучем школы в сел. Кая, потом в сел. Шовкра (1912-1917), в исполкоме Лакского окружкома (1918), начальником воинской части в Буйнакске и Чирюрте (1919), чрезвычайным комиссаром Совета Обороны и председателем ревкома в сел. Касумкент (1920-1921), председателем окружкома ВКП(б), зам. председателя ревкома (1921), председателем Лакского окрисполкома (1925-1927), наркомом соцобеспечения ДАССР (1927-1929), инструктором наркомпроса ДАССР (1929-1930), зам. председателя ЦК Нового дагестанского алфивита (НДА) (1930-1931), директором НИИ национальных культур (1932), зам. начальника УХНУ (1933), начальником управления Госстраха (1935), директором курсов партийно-комсомольского актива (1936), переводчиком ДагЦИКа (1937). Арестован органами НКВД ДАССР 7 июля 1937 г. Военным трибуналом СКВО 29 января 1940 г. оправдан.

47. Гамринский Али (1898-1979), член партии с 1919 г., участник гражданской и Великой Отечественной войн. Работал председателем Кайтаго-Табасаранского окружного ревкома, окружного комитета партии, Дербентского окружного исполкома, правления Дагсельхозбанка, зав. сельхозотделом Дагобкома ВКП(б), зав. земельным отделом Карачаево-Черкесской автономной области.

48. Феодаев Заид Гасан-Гусейнович (1899-1968), член партии с 1920 г., образование среднее. Работал рабочим кустарных мастерских в г. Нальчике (1919-1920), зав. оргинструкторским отделом, завагитационно-пропагандистским отделом Лакского окружкома партии (1921-1923; 1925-1928), зав. оргинструкторским отделом Дагобкома ВКП(б) (1928-1930), секретарем парткома "Двигательстрой" (1932-1935), первым секретарем Двигательстроевского райкома партии (1935-1937). Решением бюро обкома партии от 8 октября 1937 г. снят с работы, а 16 октября — исключен из партии и арестован. Решением Военного трибунала СКВО от 4-15 декабря 1939 г. оправдан.

49. Сеид-Гусейнов Амужат Газиевич (1899-1951). член партии с 1919 г. (брат Асад Сеид-Гусейнова), образование высшее. Работал столяром оружейного завода во Владикавказе (1912-1917), служил красноармейцем (1917-1918), ответсекретарем Даргинского окружкома партии (1921-1922), Кази-Кумухского окружкома партии (1922-1924), Самурского окружкома партии (1925-1926), председателем Хасавюртовского райисполкома (1928-1929), зав. агитационно-массовым отделом обкома ВКП(б) (1929), учился в Москве (1929-1931), секретарем Лакского райкома ВКП(б) (1932-1933), Наркомснабом (1933-1934), уполномоченным Наркомпищепрома РСФСР (1934-1935), управляющим "Дагзаготзерно" (1935-1936). Арестован органами НКВД ДАССР 21 октября 1937 г., Военным трибуналом СКВО в январе 1940 г. оправдан. Восстановлен в партии с сохранением партстажа с 1919 г. Умер в 1951 году.

50. Булач Тату Омаровна (1902-1980). член партии с 1918 г., образование высшее. В 1927 году окончила Московский институт народного хозяйства им.Г.В.Плеханова. Принимала активное участие в борьбе за установление Советской власти в Дагестане. Инициатор и участница создания комсомола Дагестана, Кумыкского национального театра, первого журнала на кумыкском языке "Танг-Чолпан". До 1937г. работала в Торговом представительстве СССР в Турции, заместителем управляющего Дагестанского отделения Госторга РСФСР, директором высших педкурсов национальной стенографии при Совете Национальностей ЦИК СССР, работала в Академии пищевой промышленности начальником отдела учебных заведений Наркомпищепрома РСФСР. В 1937 г. была необоснованно обвинена в троцкизме, арестована органами НКВД. Наказание отбывала в Карагандинском лагере НКВД. В декабре 1946 г. освобождена. В декабре 1948 г. вновь арестована и обвинена в шпионстве в пользу иностранных государств и выслана в г. Енисейск Красноярского края. В ссылке находилась до 1955 г. В общей сложности в лагерях и ссылке находилась почти 17 лет. Впоследствии все обвинения с нее были сняты и она была реабилитирована. Умерла в 1980 г.

51. Здесь, видимо, речь идет о решении объединенного пленума ЦК и ЦКК совместно с представителями 10 парторганизаций, состоявшийся в Москве 25-27 октября 1923 г. и письма Л.Д.Троцкого против ЦК ВКП(б), подписанная 46-ю участниками оппозиции. (См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е дополн. и испрал. Т.3, 1922-1925. М., 1984, л.141).

52. Хавриенко Тарас Гаврилович (даты жизни неизвестны). работал ответсекретарем Буйнакского райкома ВКП(б) (1923-1926). В 1937 г. был этапирован из Грозного в Махачкалу (работал на партийной работе в Чечено-Ингушетии) и в числе 19-ти других работников арестован, как подписавший документ "Платформа 43-х" в 1924 г.

53. Шкирягов Матвей Федорович (1883-1954). член КПСС с 1906 г. До революции — член Исполкома Московского Совета солдатских депутатов и Военного бюро при Московском Комитете РСДРП(б), член Исполкома Тульского совета и Военно-революционного комитета. Работал секретарем ЦК профсоюза швейников (1918-1920), председателем Центральной комиссии по проверке и чистке рядов партии (1921), председателем ЦКК партии (1923-1926), членом коллегии Наркомата РКИ СССР (1927-1934), заместителем председателя, председателем Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), потом ЦК КПСС (1934-1954). Избирался членом ЦК и ЦКК, Президиума ЦК КПСС, членом ВЦИК и ЦИК СССР, депутатом Верховного Совета СССР.

54. Омаров Ибрагим Магомедович (1903-?). член партии с 1927 г., образование высшее. В 1938 г. исключен из партии и снят с поста первого секретаря Буйнакского райкома ВКП(б) как "буржуазный националист". Арестован органами НКВД и в октябре 1939 г. осужден к 10 г. ИТЛ. В 1955 году реабилитирован.

55. Буйнакский Уллубий Даниялович (1890-1919). один из видных руководителей дагестанских большевиков(1917-1919). Учился в Ставропольской (1901-1907). потом в Тифлисской гимназиях (1907-1910). С 1910 г. — студент юридического факультета МГУ. За революционную деятельность исключался из университета, но потом (1913) был восстановлен. После февраля 1917 г. — в Дагестане. Председатель ЦК Дагестанской национальной милиции (май 1917), председатель Порт-Петровского мусульманского комитета (сентябрь 1917), председатель Порт-Петровского ВРК (февраль 1918), зав. Дагестанским подотделом отдела горцев Северного Кавказа Наркомнаца РСФСР г.Москва (сентябрь 1918), зав. бюро по делам Кавказа (г.Астрахань) и комиссар первого дагестанского конного полка (ноябрь-декабрь 1918), председатель подпольного обкома партии (февраль 1919) 19 мая 1919 г. арестован деникинцами, в августе — расстрелян.

56. См. примечание № 33.

57. Томский (Ефремов) Михаил Павлович (1880-1936). член партии с 1904 г. Участник революции 1905-1907 гг., Февральской и Октябрьской революций 1917 г. Работал председателем Московского совета профсоюзов (1917), председатель ВЦСПС (1918, 1922-1929). В 1920-1921 гг. активный сторонник В.И.Ленина в дискуссии о роли профсоюзов в жизни страны. Председатель Турккомиссии ЦК (1921). Член ЦК партии (1918-1934), член Политбюро ЦК ВКП(б) 1922-1930), кандидат в члены ЦК (1934-1936). В 30-е годы против Томского были выдвинуты необоснованные политические обвинения за его выступление вместе с Н.И.Бухариным и А.Н. Рыковым против сталинского курса "большого скачка" в экономике. В последующие годы работал в книгоиздательской области, возглавлял ОГИЗ. Покончил жизнь самоубийством 2 августа 1936 г.

58. Мадиев Гаджи-Магома Абдуллаевич (1896-1944). член партии с 1920 г., образование среднее. До 1917 г. работал на нефтепромыслах г.Балаханы Бакинской губернии, инспектором Гунибского окружного собеса (1921-23), редактором газеты "Горец" Гунибского округа (1923-24), заведующим организационным отделом, секретарем Гунибского окружного комитета ВКП(б) (1924-25 и 1930-32), секретарем ДагЦИКа (1932-33), заместителем наркома земледелия ДАССР (1933-35), секретарем Ботлихского райкома ВКП(б) (1935-1937). Решение бюро обкома ВКП(б) от 18 ноября 1937 г. исключен из партии и снят с работы как "буржуазный националист". В мае 1940 г. оправдан. Умер в 1944 г.

59. Саидов Гарун Саидович (1891-1919). один из активных участников борьбы за советскую власть в Дагестане. Окончил Буйнакское реальное училище и продолжил учебу в Московском коммерческом институте. Член Дагестанского просветительно-агитационного бюро, редактор газеты "Илчи", зам. председателя Дагестанского областного ВРК (май 1918), член подпольного обкома партии (февраль 1919). Расстрелян деникинцами в августе 1919 г. около сел. Цудахар.

60. Казбеков Солтан-Саид (1893-1920). один из руководителей и организаторов борьбы за советскую власть в Дагестане. Председатель Совета Оборона Северного Кавказа и Дагестана (1919). В марте 1920г. расстрелян турками.

61. Батырмузаев Зайналабид Нухаевич (1897-1919). один из организаторов борьбы за установление Советской власти в Дагестане, организатор журнала "Танг-Чолпан" (1917), редактор газеты "Ишчи халк" ("Рабочий народ") (май 1918), председатель ВРК Хасавюртовского округа (1919). 10 октября 1919 г. расстрелян деникинцами.

62. Муравьев Александр Иванович (1894-?). член партии с 1911 г. Работал председателем Костромского ревкома (1920-1922), секретарем Астраханского губкома партии (1922-24),

зав. отделом Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б) в г. Ленинграде, зав. деревенским отделом Ленинградского обкома партии (1926-1928), первый секретарь Дагестанского обкома партии (1928-1931), председателем землячества в Германии (1931-1933), зам. зав. организационным отделом Ленинградского обкома партии (1933-1936). Последующие годы работал преподавателем Московского станко-инструментального института. В 1941 г. исключен из партии, арестован органами НКВД и осужден к 10 годам ИТЛ. Умер в заключении.

63. Нанейшвили Виктор Иванович (1878-1937?), учился в Тифлисской гимназии и в МГУ, активный участник революционного движения в Москве, Грузии, Азербайджане и Дагестане. Работал председателем Астраханского губкома РКП(б) (1918), членом Бакинского бюро Кавказского крайкома РКП(б) (1919), секретарем ЦК компартии Азербайджана (1920-1921), секретарем Юго-Восточного бюро ЦК ВКП(б) (1921-1922), секретарем Иваново-Вознесенского губернского комитета РКП(б) (1923-1925), заместитель Наркома торговли СССР (1925-1933), ректором Академии Торговли (1934-1937).

64. Темирбеков Темирбек, в 1937 г. — работающий в Северо-Кавказской краевой организации, был арестован как подписавший документ "Платформа 43-х".

65. Карагишиев Магарам Магомедович (1903- ?), член партии с 1921 г., образование среднее. Работал в Консервном заводе рабочим (1916), наборщиком в типографии Мавраева (1916-1920), после служил в Красной Армии (1920-1922), работал ответственным Буйнакского РК ВЛКСМ (1923), председателем народного суда в г. Буйнакске (1924-1925), заведующий отделом Буйнакского РК ВКП(б) (1927-1929), ответственным газету "Елдаш" (1928-1929), ответственным кумыкской секции ДагГИЗа (1930), начальником управления по делам литературы (1931-1932), ответственным Махачкалинского РК ВКП(б) (1932-1933), преподавателем Буйнакского учебного партгорodka (1933-1934), ответственным многотиражной газеты хлопковхоза "Аксай" Хасавюртовского района (1934-1935), ответственным ДагГИЗа (1935-1936), с 1936 г. — студент Института национальностей г. Москва. Арестован 23 августа 1936 г. Особым совещанием при НКВД СССР 23 сентября 1940 г. осужден к 8 годам ИТЛ. Реабилитирован 26 сентября 1955 г.

66. Арсланбеков Хизри Арсланбекович (1899-1943), член партии с 1920 г., образование высшее. Работал инструктором Дагобкома РКП(б) (1920-1922), учился в Совпартшколе (1921), в Коммунистическом университете трудящихся Востока им. Сталина, на курсах советского строительства и в институте Красной профессуры (1922-1924, 1930-1932), председателем профсоюза работников землеса ДАССР (1925), заведующим отделом Буйнакского РК ВКП(б) (1925-1926), председателем Буйнакского окрисполкома (1926-1930), председателем Буйнакского горсовета (1927-1928, 1933-1934), директором Буйнакского партгорodka (1932-1933), инструктором Буйнакского РК ВКП(б) (1934-1935), редактором газеты "Колхоз-Чу" (1935). Арестован органами НКВД 4 сентября 1936 г. Особым совещанием при НКВД СССР 28 сентября 1940 г. осужден к 8 годам ИТЛ. Умер 4 мая 1943 г. Реабилитирован 26 сентября 1955 г.

67. См. примечание № 51.

68. Ежов Николай Иванович — народный комиссар внутренних дел СССР.

69. Евдокимов Ефим — первый секретарь Северо-Кавказского крайкома партии в 1934-1937 гг.

70. О службе Н. Самурского в Иркутской охранке в 1908-1916 гг. существуют следующие сведения. В 1922 году представитель Наркомнаца РСФСР в правительстве Дагестана

Д. Герасимов (расстрелян органами ОГПУ в 1925 г. как контрреволюционер), исключенный из партии ДКК приехал из Москвы в Махачкалу для разбора своего дела и сообщил Коркмасову о, якобы, службе Н. Самурского в Иркутской охранке. Коркмасов потребовал от Герасимова заявление и получив его однако хода ему не дал. В 1927 году, т.е. через 5 лет, в кабинете Коркмасова в присутствии Самурского, Ахундова, Тахо-Годи, И. Алиева, Ханмагомедова и Атаева было зачитано это заявление. Возмущенные товарищи потребовали объяснение от Коркмасова, почему он до сих пор задержал заявление и не отправил в ЦК. Коркмасов тут же, в присутствии товарищей, уничтожил заявление. Об этом стало известно Саиду Габиеву, который доложил в ЦК. Весной 1927 г. в Дагестан была прислана комиссия ЦК и ЦКК в составе Б. Шеболдаева (зам. зав. орграспредотделом ЦК) и Минкова (член президиума ЦКК) для расследования обстоятельств уничтожения заявления Герасимова. Комиссией были сделаны запросы из архивов ГПУ Иркутска и Читы, опрошены ряд лиц и пришла к выводу, что эти обвинения в адрес Н. Самурского являются клеветническими на основании того, что в архивах Иркутского и Читинского полицейских управлений за 1908-1916 гг. сведений о службе Н. Самурского в охранке не было обнаружено. Комиссия сделала доклад об этом на Президиуме ЦКК, который осудил факт уничтожения письма Герасимова и поставил на вид всем участникам совещания у Коркмасова. Об этом подробно изложено в объяснительной записке председателя ДагЦИКА М. Далгат секретарю Партколлегии Кофтерову по поводу письма Герасимова от 23 августа 1937 г. Сведения о наличии фотографии "Н. Самурского среди офицеров охранки" в записке не упоминается. (См. ЦГА РД. Ф. 779-п, Оп. 10. Д. 9. Л. 47, 48, 65, 66).

71. Действительно, 18 октября 1923 г. в г. Москве выборные представители красных партизан Дагестана во главе с председателем ДагЦИКА (в тексте председателем Совнаркома) Н. Самурским преподнесли председателю Реввоенсовета СССР Л. Д. Троцкому подарок — дагестанскую шашку, изготовленную кубачинскими мастерами. Оружие вручили кустари из сел. Кубачи Хаджи-Мурат, Абдул-Ганиев, Абдулла Хартумов. (См. газ. "Красный Дагестан". 1923. 26 ноября). В заявлении Тату Булач неправильно указана дата 1924 г. и название газеты.

В этой же газете опубликовано приветствие съезда мусульманского духовенства и шейхов Нагорного Дагестана В. И. Ленину, переданное через Самурского. Текст приветствия подписал шейх Кахибский. В 1937 г. эти факты были использованы против Н. Самурского, как проявление неуважения к Ленину и симпатии к Троцкому "Ленину бумажное приветствие, Троцкому — шашку в серебряной оправе от красных партизан".

72. См. примечание № 70.

73. Выступая на бюро Дагестанского обкома партии 26 сентября 1937 г. (за несколько дней до ареста) Н. Самурский заявил: "Тату Булач в 1937 г. (здесь ошибка — должен быть 1936 г.) специально приехала в Махачкалу по заданию Коркмасова для сбора материалов против Самурского и других товарищей (см. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 16. Д. 40. Л. 249-250). До этого в своих выступлениях на конференциях, пленумах, бюро и активах Н. Самурский не допускал выпадов против Тату Булач.

74. Здесь ошибочно указана дата ареста В. Г. Ломоносова. Он был арестован 2 января 1939 г.

75. Личность не установлена.

76. О каком Алиеве речь идет — неизвестно.

77. Новым наркомом внутренних дел ДАССР работал А. И. Пантелеев.

78. Устарханов Абдул-Гамид (годы жизни неизвестны), арестован органами НКВД в сентябре 1937 г., 28 сентября 1940 г. Особым совещанием при НКВД СССР осужден к 8 годам ИТЛ. В сентябре 1955 г. реабилитирован.

79. Гашим-Заде М. — начальник управления лесного хозяйства республики. Кроме стереотипного обвинения "враг народа" в 1937 г. ему приписывали шпионаж в пользу Англии.

80. Секретарем Буйнакского РК ВКП(б) в 1936-1937 гг. работал Омаров Ибрагим (см. примечание №30).

81. Троцкий (Бронштейн) Лев Давыдович (1879-1940), меньшевик (1903-1917), член партии с 1917 г., участник первой русской революции (1905-1907), председатель Петроградского Совета (сентябрь-ноябрь 1917). После Октябрьской революции — Нарком по иностранным делам, нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета Республики, нарком путей сообщения, председатель Концессионного комитета, начальник электротехнического управления и председатель научно-технического управления ВСНХ (1925-1928). В 1918 г. занимал особую позицию при заключении Брестского мира. В 1923-1924 гг. стал лидером внутрипартийной оппозиции, в 1926-1927 гг. — оппозиционного объединенного блока. Член Политбюро ЦК (1919-1926). В 1927 г. исключен из партии, в 1929 г. выслан за пределы СССР. Погиб в результате террористического акта в Мексике в 1940 г.

82. Здесь, видимо, речь идет о следователе Мухамедове.

83. См. примечание № 52.

84. Гоголев Емельян Георгиевич (1878-1926), рабочий большевик, участник революционного движения в 1903 г. в Петрограде и борьбы за установление Советской власти в Дагестане. За революционную деятельность неоднократно арестовывался царскими властями. После установления Советской власти в Дагестане был организатором профсоюзов и народным комиссаром труда. В период временного падения Советской власти — член Дагестанского подпольного обкома партии, был арестован деникинцами и приговорен к каторжным работам. Умер в 1926 г.

85. См. примечание № 51.

86. В тексте ошибочно указана дата 20.VII.1942 г. Видимо, здесь дата должна быть 20.XII.1942 г.

87. 8 апреля 1939 г. секретарь обкома партии Н.И.Линкун сообщал секретарю ЦК ВКП(б) А.А.Андрееву о наличии в Дагестане агентов немецкой, японской и английской разведки. (См. Ф.1-п. Оп.20. Д.77. Л.84).

88. В отчетном докладе (отчет за период с марта 1939 г. по март 1940 г.) к XVII областной партийной конференции (11-15 марта 1940.) первый секретарь обкома Н.И.Линкун заявил о том, что "секретарь обкома М.Сорокин, наркомвнудел В.Ломоносов, создавая дела на различные контрреволюционные организации, арестовывали ни в чем неповинных людей, сажал, издевался над ними и многих сжил с лица земли под носом у наших руководящих партийных работников, которые видели это и не принимали решительных мер. Секретари обкома Сорокин, Рыжов не смогли распознать Ломоносова и пошли на поводу у него. За 1937 г. исключено райкомами и обкомом 328 человек, за 1938 год — 495 человек (на 67 чел. больше — Ред.), из них половина как "враги народа", или "за связь с ними", враждебными элементами. Многие из них были честными коммунистами. В 1939 г. было восстановлено

393 человека, исключенных в 1937-1938 гг. В 1939 г. исключено из партии — 193 человека" (См. ЦГА РД. Ф.1-п. Оп.21. Д.3. Л.88-89).

Однако, в бытность первым секретарем обкома партии Н.И.Линкун проходили многие судебные процессы в республике на выездных заседаниях Военного трибунала СКВО и Верховного суда СССР (декабрь 1939 г. январь 1940 г.), где были осуждены на различные сроки ИТЛ известные в республике партийные и советские работники, в том числе и авторы публикуемых писем, заявлений и жалоб. Обком партии, в том числе его первый секретарь Н.И.Линкун не принял никаких мер, чтобы спасти "ни в чем неповинных людей", как он сам выразился. Органы НКВД все еще находились вне контроля партийных органов. Свидетельством тому является отсутствие текста выступления нового наркома А.И.Пантелеева на конференции, а его фамилия в списках членов обкома партии, избранных на конференции, стоит вторым после Сталина.

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ СЛОВ

Агитпропотдел — агитационно-пропагандистский отдел
бывш. — бывший
вуз — высшее учебное заведение
ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный комитет
ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
г., гор. — город
г., гг. — год, годы
Госторг — Государственный Комитет по торговле
Д. — дело
д. — дом
др. — другие
Дагсоюз — Дагестанский союз
ДНЦ — Дагестанский научный центр
зав. — заведующий
зам. — заместитель
З/к — заключенный (ая)
им. — имени
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии
ИКП — Институт Красной профессуры
ИТЛ — Исправительно-трудовой лагерь
и т.д. — и так далее
Карлаг — Карагандинский лагерь
К^с — Кампания
КПК — Комитет Партийного Контроля
КУТВ — Коммунистический университет трудящихся Востока
Культпропотдел — отдел культуры и пропаганды
МГБ — Министерство Государственной безопасности
НКВД — Народный Комиссариат Внутренних Дел
НКП (Наркомпрос) — Народный Комиссариат просвещения
НКВТ — Народный Комиссариат внешней торговли
Наркомпищепром — Народный Комиссариат пищевой промышленности
Н-Джегутай — Нижний Джегутай
ОГИЗ — объединенное государственное издательство
ОСО — Особое совещание
обком — областной комитет
Оп. — опись
охотпост — охотничий пост
партком — партийный комитет
П. пп. — пункт, пункты
педтехникум — педагогический техникум
Печлаг — Печорский лагерь
Политотдел — политический отдел
прож. — проживающий (ая)
пред. — председатель
РАН — Российская академия наук
РК — районный комитет
Ревтрибунал — революционный трибунал
Рыбкооп — рыбопрмысловый кооператив
сел. — село (селение)
Ст. — статья

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СНОР — состоял в нелегальной организации
СКВО — Северо-Кавказский Военный округ
см. — смотри
СНК (Совнарком) — Совет Народных Комиссаров
Санчасть — санитарная часть
тов. — товарищ
Торгпредство — торговое представительство
т.к. — так как
т.е. — то-есть
ул. — улица
УК — уголовно-процессуальный кодекс
Ф. — фонд
финчасть — финансовая часть
Хозорган — хозяйственный орган
ЦГА РД — Центральный Государственный архив Республики Дагестан
ЦК — Центральный Комитет
ЦИК — Центральный исполнительный комитет
чл. — член

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Алиев И.М. – 4, 9, 15, 54, 63, 67
 Алиев М. – 34
 Алиев У.Д. – 22, 61
 Алисханов В. – 53
 Арсланбеков Х.А. – 4, 43, 47, 48, 66
 Аскеров – 12
 Астемиров Б.А. – 4, 10, 22, 38, 55, 63
 Астемирова Ф.Б. – 30, 39
 Атаев Д.А. – 4, 13, 27, 57, 63, 67
 Ата-Салатау – 32, 48
 Аткай А. – 12
 Багаева – 25
 Бароян – 48
 Батырмурзаев З.Н. – 42, 65
 Березняков М.С. – 16, 17, 58
 Белоусова М.Т. – 53
 Быч А.Л. – 51
 Болотин Я. – 21
 Буйнакский У.Д. – 32, 42, 52, 65
 Булач Т.О. – 4, 31, 41, 64, 67
 Бултанов А.Б. – 16, 57
 Буровцева А. – 53
 Бутаев М.Д. – 2, 6, 36
 Вискне К.К. – 53
 Вовка – 36
 Вышинский А.Я. –
 Габиев С.И. – 4, 16, 21, 27, 44-45, 53, 61, 63, 67
 Гаджибеков Г. – 10, 55
 Гаджиев Б. – 32, 87
 Гаджиев Г.А. – 4, 27, 35, 40, 47, 53, 76
 Гаджиев М.С. – 33, 53
 Гамринский А. – 27, 63
 Гашим-Заде М. – 48, 68
 Гитинов М.Г.-М. – 12, 57
 Глобов – 46
 Гоголев Е.Г. – 50, 68
 Гончаров – 50
 Грановский М.Л. – 16, 25, 62
 Гришин – 53
 Гродзянский – 42
 Гусейнов А. – 34
 Далгат М.А. – 15-17, 59, 62, 63, 67
 Демечка – 48
 Демидов – 44
 Дерябин – 51
 Динмагомедов – 12
 Дима – 36
 Дзива – 46
 Длуги М. – 53
 Доветов С. – 27

Евдокимов Е. – 44, 66
 Ежов Н.И. – 5, 18, 44, 45, 52, 66
 Ерофеев –
 Ибрагимов Х.И. – 4, 16-18, 58
 Ильич – 36
 Исаев Г.Г. – 4, 18, 59, 60
 Ищенко – 18, 46-48
 Казбеков С.-С. – 42, 65
 Камфорин – 19, 20, 23, 24, 33, 46
 Капиев Э. – 12
 Караев К. – 52
 Карагишиев М.М. – 4, 43, 47, 48, 66
 Кахиани М. – 29
 Ковалев Ф. – 27
 Коваленко – 46, 48
 Колес С. – 53
 Колесов Н.П. – 4, 14, 57, 63
 Колесова К. – 4, 14, 15, 57
 Конарев – 18, 23, 24, 29
 Коркмасов Д.Э. – 3, 15, 16, 21, 24, 46, 60, 63, 67
 Корчагин А.Н. – 51
 Крылов Е.М. – 53
 Кузнецов – 51
 Кулаев А.И. – 17, 58
 Лариса – 36
 Лелевич Л.Г. – 9-14, 34, 35, 54, 56
 Ленин В.И. – 20, 28, 30, 61, 65, 67
 Ломоносов В.Г. – 19, 20, 23, 24, 26, 29, 30, 33-35, 43-46, 55, 60, 67, 68
 Магдиев Г.-М.А. – 19, 34, 60, 65
 Магомедов – 24
 Магомедов – 49
 (Магомаев, Мухамедов) – 49, 68
 Магомедов А. – 42
 Магомедов Н. – 32, 48, 52
 Мамедбеков К.Г. – 4, 12, 17, 34, 56,
 Маллачиев – 35
 Марр Н.Я. – 11
 Махмуд-Эфенди – 35
 Мелещук – 24
 Меркулов – 33
 Минскер С.И. – 53
 Муравьев А.И. – 42, 62, 65
 Мурадов Т. – 34
 Мусаева Ф. – 25
 Мусалаев – 35
 Набиев – 18
 Нанейшвили В.И. – 43, 44, 66
 Нуров Р. – 4, 12, 22, 47, 56
 Нуруллаев – 11, 12
 Ольшевский В.С. – 12, 56
 Омаров И.М. – 32, 64, 68
 Омаров М. – 48, 49

Ш
Омиев Х. – 22
Павленко П. – 20
Панаев – 25
Панин – 44, 52
Пантелеев А.И. – 31, 67, 69
Пасынков – 20
Петросян – 13
Преображенский – 31
Пятаков – 31
Разилов – 25, 28
Рыжов А. – 24, 68
Рябоконе В. – 19, 60
Саввин С.Я. – 19, 20, 23
Саидов Г.С. – 42, 65
Салаватов А.П. – 10
Самурский Н.П. – 3, 9, 15-17, 19, 21-23, 25, 26, 29-32, 44, 45, 49, 52, 55, 58, 59, 62, 63, 66, 67
Саракас –
Светлана – 36
Сеид-Гусейнов Амужат Г. – 4, 17, 27, 58, 60, 64
Сеид-Гусейнов Асад Газиевич – 4, 9, 10, 17, 34, 36, 54
Сенцов Н.Ф. – 53
Сивуди – 24, 25
Склярский – 12
Соколов – 51
Сорокин М.Ф. – 9, 11, 13, 16, 17, 54, 58, 68
Сталин И.В. – 4, 5, 14-16, 18, 20, 21, 25, 28, 30, 40, 57, 58, 69
Стальский С. – 21
Страхов – 19, 20, 23, 33
Супейманов С. – 27
Султанов К.Д. – 10
Сурхаев – 47
Тамфилов – 33-35
Тахо-Годи А.А. – 3, 11, 15, 31, 56, 63, 67
Темирбеков Т. – 4, 43, 63, 66
Темирханов М. – 24, 25, 27
Тихонов Н. – 20
Томский М.П. – 22, 34, 65
Троцкий Л.Д. – 43, 45, 49, 64, 67, 68
Туфан – 45
Устарханов А.-Г. – 48, 68
Фахри – 45
Феодаев З.Г.-Г. – 4, 27, 63
Филатов – 18, 24
Фомин – 23-29
Хавриенко Т.Г. – 31, 32, 49, 50, 63, 64
Хашаев Х.-М.О. – 53
Хвалов – 24
Хизроева Р. – 52
Хикмет Н. – 45, 53
Чаринов М. – 9, 55
Щацкий – 19, 60

Шиперов И.Ф. – 12, 13, 56
Шкирятов М.Ф. – 32, 40, 44, 64
Шовкринский Ю.Н. – 4, 10, 12, 13, 17, 19-22, 33, 35, 36, 44, 45, 55, 58, 60, 61, 62
Шовкринский М.Ю. – 36
Шпак Т.Т. – 51
Эмирбеков – 18, 63
Ярославский Е.М. – 19, 60

Перечень документов

1. Письмо председателя Главсуда члена пленума Дагобкома ВКП(б) Ибрагима Алиева секретарю обкома ВКП(б) М.Сорокину. — 9
2. Письмо супруги зав.сельхозотделом Дагобкома ВКП(б) Колесова Н.П. Королины Колесовой И.В.Сталину. — 14
3. Письмо председателя ДагЦИКа М.Далгат секретарю парткома КПК по Дагестану Кофтерову по поводу письма Герасимова о службе Н.Самурского в Иркутской охранке. — 15
4. Заявление Бултанова А.Б. директора областных курсов пропагандистов ВКП(б) пленуму обкома и в ЦК И.В.Сталину. 10 октября 1937 г. — 16
5. Заявление Исаева Г.Г.-М., бывшего секретаря Лакского райкома ВКП(б) И.В.Сталину, В.М.Молотову, Н.И.Ежову 21 февраля 1939 г. — 18
6. Заявление Шовкринского Ю.Н. в ЦК ВКП(б) и Председателю комиссии Партконтроля при ЦК ВКП(б). Не позднее 16 мая 1939 г. — 19
7. Справка секретаря Дагобкома ВКП(б) Я.Болотина о результатах расследования заявления Шовкринского Ю.Н., возвращенного из КПК ЦК ВКП(б). 31 мая 1939 г. — 21
8. Жалоба (в порядке надзора) бывшего Наркомпроса Астемирова Б.А. Генеральному прокурору СССР. Не ранее 17 мая 1940 г. — 22
9. Заявление Булач Т.О. Народному Комиссару внутренних дел ДАССР Пантелееву А.И. Не ранее октября 1940 г. — 31
10. Заявление Шовкринского Ю.Н. Народному Комиссару Госбезопасности Меркулову. 28 апреля 1941 г. — 33
11. Письмо к матери бывшего зав.промышленно-транспортным отделом Дагобкома ВКП(б) Асада Сеид-Гусейнова. 5 мая 1941 г. — 36
12. Письмо Астемирова Б.А. своему сыну Аджаку из мест заключения. 1944 г. — 38
13. Заявление Гаджиева Г.А. в адрес Оргбюро ЦК ВКП(б). 13 сентября 1948 г. — 40
14. Жалоба (в порядке надзора) вторично осужденной Булач Т.О. Генеральному прокурору СССР. 25 июня 1954 г. — 41

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Документы (заявления и письма)	7
Примечания	54
Список сокращенных слов	70
Именной указатель	72
Перечень документов	76

Люди и судьбы:
заявления и письма репрессированных
в 30-е годы

Редактор Какагасанов Г.И.

Сдано в набор 01.09.1996.
Подписано в печать 01.11.1996.
Формат 60 x 90 ¹/₁₆
Бумага офсетная.
Заказ № 6

Усл.печ.л. 4,8
Уч.-изд.л. 6,4
Печать офсетная.
Тираж 300 экз.
Цена договорная.

Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра
Российской академии наук
367030, г. Махачкала, ул. 26 Бакинских комиссаров, 75

Издательско-полиграфический центр ДГУ им. В. И. Ленина
367030 г. Махачкала, ул. 26 Бакинских комиссаров, 59^е

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

